

Катя Корж

Тнев

Пепел
твоей чистоты

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Катя Корж

Гнев. Пепел твоей чистоты

<https://litres.ru/74166488>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я, Оливия Блейк, мечтала лишь об одном - дожить до окончания учёбы в колледже, получить сертификат и навсегда сбежать из этого ада, забрав с собой младшую сестру. Но мой план рухнул в тот момент, когда на меня обратил взор Даррелл.

Я Гнев, один из семи Грехов, жестокий помощник Администрации, которая держит в страхе весь город. Я люто ненавижу ту, что пытается казаться одной сплошной невинностью, когда её отец предал мою семью, и теперь моя единственная цель — растоптать Оливию, лишить воли и уничтожить до основания. Я превращу её жизнь в тотальный кошмар, заберу кольцо и подчиню себе каждый её вздох.

Но что произойдет, когда слепая ярость столкнется с пугающей правдой? И как выжить обоим, когда за стенами города правительство уже готовит смертный приговор для каждого из его жителей?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	5
Глава 3	19
Глава 4	29
Глава 5	39
Глава 6	52
Глава 7	63
Глава 8	74
Глава 9	87
Глава 10	96
Глава 11	106
Глава 12	115

Катя Корж

Гнев. Пепел твоей чистоты

Глава 1

Если вы хотели романтики, вы зашли не в ту дверь.

Кто-то думает, что в Аду существует девять кругов, я считаю иначе

Ад разделён между главными грехами, и каждый из них считает себя Дьяволом или же Богом.

Не имеет значение, как называть того, в руках кого сосредоточена вся власть.

Вы решили остаться? Что ж, двери закрываются – и наш лифт отправляется в преисподнюю.

Добро пожаловать в Царство Гнева.

Говорят, не повезёт, если попадёшь в его немилость.

Я скажу вам так: существует вариант похуже – не знать, что ты в его немилости.

Глава 2

Оливия

Романтики здесь не будет. Я живу не в том месте, где девочке положено мечтать о принце на белом коне. *Здесь* это опасно, и вы даже представить себе не можете, насколько. Сейчас только начало сентября, так что у меня есть немного времени, чтобы ввести вас в курс дела.

Когда правительство стало в открытую пользоваться услугами людей, чьи руки всегда в крови, им пришлось создать города, в одном из которых посчастливилось родиться мне, Оливии Блейк.

Территория нашего города полностью закрыта для сторонних посетителей, для нас связь с внешним миром практически отрезана, а на картах мира наши координаты вообще не значатся. Мы - тайна, которую правительство скрывает так же тщательно, как и то, что пользуется услугами наших родителей. Дабы обеспечить безопасность семьям киллеров, убийц, наёмников, разведчиков и ещё многих других представителей профессий, которых в обычной жизни вы не встретите, наше существование скрыли ото всех ради безопасности жителей города.

У нашего города нет названия, нет улиц - только номера зданий. Общение происходит по внутренней сети, и хотя технологии нашего города ничем не отличаются от внешнего

мира, в наших смартфонах и компьютерах установлена только одна социальная сеть. В ней есть анкета каждого жителя, вся необходимая информация находится в открытом доступе, что должно обеспечивать безопасность и прозрачность системы.

Вот только это всё заблуждение. Одна большая ложь!

В этом городе безопасно только в одном случае - если ты родился мужчиной. Пока представителей сильного пола вся система устраивала, другая часть города из-за свода правил даже пикнуть не могла.

Нет, у нас была возможность получить образование, выходить из дома, и право на льготы ничем не отличалось от прав мужчин. Даже разрешение на выезд из города мы могли получить намного раньше, чем мужчины - после обязательного окончания образовательного курса до двадцати одного года, в то время как мужчинам полагалось оставаться в городе минимум до двадцати пяти. Но это не отменяло того, что после наступления совершеннолетия у девушки здесь, до самого окончания колледжа, начинался ад.

Официально система работала просто: обязательные двенадцать лет обучения в школе для каждого пола, а после - три года колледжа, где требовался определённый уровень знаний. Администрация города не давала сертификат, пока ты не подтвердишь уровень образования, и нередко кто-то оставался на одном и том же курсе дважды, а то и трижды. Мужчинам после колледжа полагалась военная подготовка, кото-

рая длилась ещё четыре года.

И хотя город наш был не самым маленьким, покидать его ты не имел права, если не относился к администрации или тебя не нанял кто-то из правительства. Перевод в другой такой же закрытый город по каким-либо обстоятельствам могла одобрить только администрация.

Помните, я говорила про одну единственную социальную сеть? Все просьбы и жалобы обрабатывались в ней, так как с администрацией можно было связаться только через эту сеть. Так что вживую никто не видел, кто на самом деле руководил городом, и при всём этом здесь никогда ничего не менялось. Администрация быстро находила и карала нарушителей.

Я отношусь к третьему поколению, которое здесь родилось. Мой отец - разведчик, который как раз и работает на правительство. Однако я его уже давно не видела и подозреваю, что он оставил нашу семью. Моя мать работает в местной больнице медицинской сестрой, её в этот город сослали в качестве наказания - и это всё, что довелось узнать о своей семье мне и моей младшей сестрёнке Офелии.

Моя мечта, если о таком вообще можно здесь задумываться, - покинуть этот город сразу после «совершеннолетия». Именно так мы называем тот момент, когда ты получаешь сертификат от администрации и имеешь полное право уехать.

Да, раз и навсегда. Да, больше тебе ни под каким предло-

гом не дадут сюда вернуться. Но я спала и видела, как начинаю новую жизнь в каком-нибудь университете с крепкой легендой, которую мне обеспечит администрация города. Ведь так было со всеми желающими покинуть это место.

Ещё моё желание подкреплялось страхом за Офелию. Я ни в коем случае не должна позволить ей пережить то, что предстоит через месяц мне. Мне необходимо было выбраться отсюда – и найти хоть какой-то способ вытянуть и сестру.

Сжав руль своей голубой Хонды Цивик, я случайно взглянула на кольцо, которое было на безымянном пальце левой руки. Меня начинало подташнивать каждый раз, когда я видела этот кусок белого золота с зелёным камушком в качестве украшения. Скоро оно кому-то достанется - и этот момент будет не самым приятным воспоминанием в моей жизни.

Я нажала на сигнал, и машина издала громкий звук. Дверь нашего дома открылась, и по каменной лестнице тут же спустилась Офелия. Можно было подумать, что я нервный человек, но мне не хотелось опаздывать в первый же день в колледж, учитывая, что до этого нужно завести младшую сестру в школу.

Офелия натянула капюшон на голову, скрывая свои белоснежные волосы. Её почти прозрачная кожа была полностью закрыта от солнечного света, а фиолетовые глаза защищали солнцезащитные очки. Сестра родилась альбиносом, и в этом городе подобная особенность - проклятие. Шанс то-

го, что её жизнь превратится в ад после восемнадцатилетия, был больше, чем стопроцентный.

Я завела двигатель и услышала странный треск.

- О... Нет... - с отчаянием протянула я. - Только не это...

Но, на удивление, «Хонда» завелась. Прикрыв веки, я шумно выдохнула и немного успокоилась.

- Нужно будет снова везти в гараж? - тихо спросила сестра.

- Денег на это практически нет. Только если будет смена Руби, но я не могу пользоваться её добротой вечно.

Руби - моя знакомая, которая в этом городе на все руки мастер. Она много где работает, потому что ей необходимы деньги на лечение умирающей в больнице матери.

Первая осечка системы: если покровитель твоей семьи умирает, администрация не сильно-то и заботится о твоём дальнейшем благополучии в этом городе. Руби как раз из-за этого и остаётся в колледже не первый год - ей не хватает времени на учёбу и работу.

Наш покровитель был жив, но отец не появлялся дома уже два года. Ровно столько же на счёт нашей семьи администрация не высылала деньги, которые полагались нам в качестве компенсации от правительства. Так что мы жили на старые накопления, от которых я хотела ещё хоть что-то оставить на свой отъезд и образование. Ещё была скупая зарплата матери, большую часть из которой родительница спускала на алкоголь. Я не могла её винить: будь у меня её жизнь, вряд ли я смогла бы выбраться из чёртового замкнутого круга. На

ней были «несовершеннолетние» дочери, а ещё неликвидный для женщины возраст.

Мы плавно двигались вдоль одинаковых домов. Наш район не отличался роскошью, но, скажем так, были в этом городе места значительно хуже. Хотела бы я сказать, что наша семья относилась здесь к среднему классу, но, боюсь, у нас осталась только ширма этого, а за ней была бездна, в которую мы вот-вот должны были упасть. Деньги имели свойство заканчиваться, а мне до выезда из города оставалось ещё три года. Если я хотела уехать в самые кратчайшие сроки, чтобы спасти Офелию от ужаса, то мне нужно было сосредоточиться только на учёбе.

Взглянув в боковое зеркало, я заметила отражение бело-снежной церкви, которую мы проехали. Тихо фыркнула. Как будто в этом городе в ком-то ещё осталось что-либо святое. Мы все были на дне, потому что этот город - чистейший ад на Земле.

- Завтра у нас будет врачебный осмотр.

- Тебе же ещё пятнадцать, - прошептала я, стараясь скрыть леденящий ужас.

Офелия и так боялась будущего, мне нельзя было выдавать и свой страх.

- Да, но в этом году они решили провести всё осенью, а не весной, потому что многим уже есть шестнадцать.

Я постаралась хоть как-то криво улыбнуться, чтобы разрядить обстановку.

- Выбрала себе дизайн кольца?

- Я подумала над сапфиром, - Офелия посмотрела на меня в ожидании, и я кивнула.

- Очень хороший выбор, подойдёт к твоим глазам.

Сестра постаралась улыбнуться, но вышло так же паршиво, как и у меня. Мы обе прекрасно знали, для чего были эти кольца, и бесплатные драгоценные камни, которые нам доставались в подарок от администрации, никак не могли компенсировать тот ужас, который нам предстоял.

Я остановилась возле трёхэтажного коричневого здания. Офелия ещё раз поправила капюшон, скрывая свои волосы, но мы обе понимали, насколько жалкими были эти попытки спрятать её внешность. Она уже была лакомым кусочком, как только в сети появился её профиль. Среди своих сверстниц моя сестра слишком выделялась.

Со мной ситуация была получше. У меня была самая обычная фигура, средний рост, натуральные прямые блондинистые волосы до середины спины и зелёные глаза. Ничего особенного, но я не хотела рисковать, поэтому подготовила какой-никакой план.

Машина снова со скрипом завелась. Теперь нужно было доехать до колледжа, где мне предстояло провести три года. Дорога заняла ещё двадцать минут, за которые я успела проехать мимо поля, посреди которого находилось круглое каменное строение. Машина дёрнулась сразу же, как только взгляд сосредоточился на паноптикуме, или, по-другому,

идеальной тюрьме.

Это круглое кирпичное многоэтажное разваливающееся строение - особое место в нашем городе. Именно оно было символом главной осечки администрации.

Забавы ради кто-то много лет назад придумал развлечение для мужчин, которое стало ночным кошмаром для всех представительниц слабого пола в этом месте.

Ночь жатвы - так её все называли. Уже много лет в ночь на первое октября администрация одобряла для парней до двадцати пяти лет одно отвратительное развлечение: всех девушек из колледжа, начиная с первого курса и до третьего, можно было выловить, привезти в паноптикум и изнасиловать, забрав в качестве трофея её кольцо. Какого-то чёрта это ещё и поощрялось администрацией: чем больше у человека было колец, тем выше у него был рейтинг в городе как у жителя, соответственно, больше привилегий. Именно поэтому в основном охотились на девственниц.

Администрация города позаботилась обо всех рисках, связанных с этим развлечением. Во-первых, начиная с шестнадцати лет девушкам гинекологи проводили ежегодные осмотры, на которых устанавливали факт наличия девственности. Во-вторых, после первого осмотра им выдавалось кольцо из белого золота с драгоценным камнем, которое служило желанным трофеем. В-третьих, в двенадцатом классе нам всем устанавливали гормональный имплант в плечо, который помогал регулировать численность населения города.

Думая обо всём этом, я ускорила шаг. Телефон завибрировал, напоминая, что я немного отстаю от графика. Парковка возле колледжа была уже практически вся заставлена, так что я оставила машину на самом дальнем от входа месте.

Проведя пальцами по волосам, обтянула края синей толстовки. Ноги приятно пекло солнышко - хорошо, что я могла позволить себе короткие джинсовые шорты, не боясь, что моя кожа сгорит. Офелия никогда не сможет надеть что-то подобное, потому что она быстро покрывалась ожогами от солнечных лучей.

На входе меня ждал Грег. Его русые волосы торчали в разные стороны, и я привстала на носочки, чтобы пригладить их пальцами.

Серые глаза парня прикрылись, он явно наслаждался моим прикосновением.

- Меня ждёшь? - тихо, с улыбкой спросила я у друга детства.

- Ренат и Джон должны скоро подойти, - покачал тот головой.

Значит, не меня... Грег ничем не был мне обязан, и между нами не было больших чувств, скорее, маленькие искорки симпатии. Я знала, что он уже занимался сексом с другими девушками, и это меня скорее успокаивало, чем злило. Дело в том, что я не относилась к тем девушкам, что могли избежать жатвы, так что я придумала свой небольшой план: сделать это с тем, кому хоть как-то доверяю в этом городе.

Грег казался самым лучшим кандидатом, а его дружки Джон и Ренат были теми ещё психами, которые решили подражать элите города. Я боялась, что они испортят моего старого друга, но с другой стороны, уже утром первого октября меня это всё не будет волновать.

Услуга за услугу: я - своё кольцо и кровь на белой простыни, а Грег сделает всё менее болезненно.

У меня было мало представлений о том, как проходит жатва. Те, кто ей подвергся, об этом не болтали, лишь в общих чертах: место, день и принцип отбора девушек.

Открыв свой шкафчик, я взяла пустую тетрадь, ручку и книгу по экономике. Уже через две недели будет большой тест, на котором оценят наши знания, полученные за двенадцать классов. Я направилась по коридору, стараясь не задеть ноги тех, кто сидел на полу. Возле кулера с водой, оперевшись об него головой, спала Руби. Я хотела попросить её о помощи с машиной, но, глядя на то, как она спала, не смогла разбудить. Моё сердце пропустило болезненный импульс из-за жалости к этой девушке.

Услышав громкий смех, я на секунду оцепенела. Не я одна, потому что никто не хотел мешать пройти тем, кто имел связь с администрацией. Сейчас их было пятеро, но все знали, что на самом деле их семь.

Без понятия, кем были их родители и по какому принципу отбирали главных помощников для администрации, но именно семь парней отвечали за прямое взаимодействие с

управленцами этого города. И как-то издавна сложилось, что каждый из парней соответствовал Грехам. Тем самым, о которых говорилось в Библии.

Было подозрение, что на роль этих Грехов выбирали самых смазливых, отбитых и при этом опасных. Не знаю, были они очередной осечкой администрации или же, наоборот, какой-то тактикой, но они относились к одному из проверенных способов избежать жатвы - получить покровительство кого-то из них.

Но глядя на пятёрку парней, что шла по коридору, я даже думать не могла о том, чтобы попросить о помощи кого-то из них. Опустила взгляд, чтобы ни на кого не смотреть. Грехи часто были под веществами, так что мне не хотелось проблем в первый день, а люди в неадеквате могли их очень просто организовать.

Как, чёрт подери, можно было только подумать о помощи кого-то из них? Я боялась каждого до дрожи в коленях, и ещё больше наводил панику тот факт, что не все Грехи раскрыли свои личности. Я понятия не имела, как выглядят Гордыня и Лень: пользуясь привилегией администрации, они скрыли свои фотографии в профиле.

А странички в сети этих парней, уж поверьте, пользовались популярностью. Не все боялись их так, как я. Были те, кто жаждал общения с ними, дружбы, а некоторые - и секса. Я старалась держаться от этого подальше, так что поскорее продвинулась бочком по коридору, желая избежать столкно-

вения.

Заметив носки чёрных кроссовок, отошла левее. Человек напротив сделал так же. Шагнула вправо - и вновь кто-то повторил за мной. Пришлось поднять голову и с ужасом заметить на себе взгляд чёрных глаз. Я знала его имя, оно абсолютно не подходило Гневу.

Даррелл...

Он гипнотизировал меня своими чёрными, полными яростью глазами, а после пошел вперед, не постеснявшись ударить меня плечом. Кожу тут же засадило, но я промолчала.

Даже если он сделал это специально, у меня не было и шанса против него. Скрывшись в аудитории, села за парту рядом с Диной. Вот уж кому я завидовала всю жизнь... Её отец был знаменитым убийцей. И хотя мама у девушки умерла очень давно, пока отца не было в городе, девушка жила одна. К ней абсолютно никто не приближался. Словно авторитет отца создал непроницаемый щит вокруг неё, так что было очевидно: жатва её не коснётся.

Дина была не единственной такой девушкой в городе, но и подобных ей было очень-очень мало. Знакомая натянула капюшон на тёмные густые волосы, буркнув приветствие, и упала щекой на стол, явно желая досмотреть свой утренний сон.

Знаю, информация кажется полным бредом, но я в этом живу уже восемнадцать лет. Думаете, я хоть с чем-то свыклась? Ничего подобного. И остальные девушки тоже, но мы

все упорно делаем вид, что всё в полном порядке.

Моё описание могло показаться сумбурным, потому что я понятия не имею, честно говоря, как всё лаконично по полочкам разложить тому, кто ни разу не был на нашем городе. Давайте я подведу для вас кое-какие итоги.

Да, для администрации города вполне нормально проводить как праздник ночь, когда насилуют девушек. Это в порядке вещей и даже поощряется. Как реагируют на это взрослые? Никто не может пойти против администрации, так что многие закрывают глаза в ночь жатвы на всё происходящее. Есть ли способы избежать подобной участи, если ты всё ещё девственница? Да, их даже несколько!

Первый: заплати администрации. Но сумма настолько внушительная, что я даже не рассматривала подобный вариант.

Второй: родись в семье, чьи родственники внушают страх всему городу, в том числе и администрации, как в случае Дины.

Третий: лишись девственности до жатвы, но тогда ты считаешься «испорченной», и администрация никак не защищает таких девушек от насилия в будущем. Когда-то ходил слух, что с данными девушками формируются списки для всех парней, чем они и пользуются, но я всё ещё надеялась, что это грязный, мерзкий слух. Но должна признаться, что с девственницами такие списки действительно существовали, так что нельзя было полностью отметить наличие и других

списков.

И последний, четвёртый и самый дерьмовый вариант: попроси о покровительстве кого-то из семи Грехов. Но я даже представить боюсь, какую плату потребуют эти циники, что упиваются собственной властью.

Глава 3

Оливия

Я смотрела с опаской на длинные золотые кудри Джулс. Она над чем-то громко смеялась, пока переодевалась в спортивную форму. Пока я старалась носить всё мешковатое, свободное и скрывающее тело, особенно грудь, - одnogруппница делала всё ровным счётом наоборот.

Она ещё в школе всегда была модницей в обтягивающих лосинах, коротких топах и на высоких каблуках. Отрастила длинные волосы, которые концами доставали до ягодиц, а утончённость своего девичьего личика подчёркивала чёрным ободком, который помогал прядям не падать на лицо.

- Нет, ну серьёзно, он же кореец, а у них крохотные члены... Я-то уж знаю, - прошептала Джулс Еве.

Ева и Ада - сёстры-близняшки, однозначные претендентки номер один на Ночь жатвы в этом году. Они были слишком милыми, за их спинами никто не стоял, а семья давно лишилась покровителей из внешнего мира. Они жили в этом городе в приличном доме, который передался по наследству, и никто из семьи не собирался его покидать, так как оба родителя были врачами и неплохо зарабатывали в местной больнице. Казалось, сестёр совсем не беспокоит приближающаяся ночь.

- Завались уже, Джулс, - Дина открыла соседний со мной

шкафчик раздевалки. - Ты к Марсу самолично в штаны за-
лазила, чтобы его член обсуждать? У меня уже складывается
ощущение, что ты тут всех перетрахала.

- Ха-ха! - Джулс подняла левую руку, на которой сверк-
нуло кольцо с бриллиантом. - Моя семья достаточно богата,
чтобы откупиться от всего этого дерьмового порядка в горо-
де, так что я сама выберу, с кем потрахаться. А вот тебе, Ди-
на, стоит побеспокоиться, - одноклассница перешла на шё-
пот, сверкнув голубыми глазами, будто в предвкушении: -
Ночь жатвы близится...

Джулия ушла, Дина лишь вздёрнула бровь, а потом стя-
нула с себя толстовку. Её рёбра были покрыты чернилами:
ветки сакуры оплетали большую часть грудной клетки, и она
совсем не носила лифчик.

- Ты всегда защищаешь Марса, - подметила я. - Вы обща-
лись раньше?

- Нет, - девчонка мотнула головой, расправляя густые тём-
ные волосы. - Мне насрать на них, просто раздражает её
писклявый голос.

Ева и Ада всюду хихикали, надувая губы, чтобы спароди-
ровать Джулс. Я же фыркнула, отвернувшись. В этом городе
не стоило мечтать о любви и дружбе, это относилось ко всем
без исключения.

Марсель, или, по-другому, Марс, как мы его называли,
всегда открыто проявлял симпатию к Джулии ещё с начала
старшей школы. Однако его чувства были невзаимными, но

вряд ли он об этом знал. На публике девушка всегда отвечала флиртом на любые шаги Марса, с радостью просила его о помощи, бежала к нему в первую очередь, если что-то случилось, а тот всегда помогал.

Но всё менялось в женской раздевалке, где их отношения были чуть ли не главной темой для обсуждения. Здесь Джулия открыто смеялась над Марселем, гордилась своим высокородным происхождением (по слухам, кто-то из её родственников раньше был в администрации), так что её не трогали. Сперва казалось, что Марсель просто пытается выбить себе привилегии через девушку, но чем старше мы становились, тем больше одноклассник, а теперь уже одноклассник превращался в какого-то беззаботного и несерьёзного парня, который приходил на занятия только для того, чтобы потратить анекдоты. И уже сейчас всем было ясно: администрация и все привилегии города ему были до задницы.

Телефон издал сигнал, и не у меня одной. Я уже знала, что произошло, поэтому не сдержалась и разблокировала экран. Возле фиолетовой иконки появился красный значок - вышла новая глава романа.

Автора, который стоял за целыми циклами историй, благодаря которым можно было хоть немного отключить мозг от реальности, не вычислили до сих пор. И я знаю почему - слишком смелые работы у неё были. Если бы её личность раскрыли, девушек лишили бы одной из немногих радостей.

- Чёрт, ну, Джульетта! - вскрикнула Ада, ударив кулаком

по скамейке. - Это не глава, девчонки, а просто уведомление, что найден художник для её книг.

На странице паблика была чёрно-белая зарисовка в виде счастливой улыбающейся девушки, показывающей два пальца.

«Привет! Знаю-знаю, вы ждёте продю, но я немного приболела. Однако у меня всё равно для вас хорошие новости: художник найден! Скоро в моих книгах появятся вкладыши и постеры, чтобы поцело... кхм-кхм... чтобы повесить этих красавчиков на стену. В печать всё выйдет в следующем месяце, так что к Рождеству предлагаю обновить коллекции! До новых встреч! P. S. Папа и мама, если вы читаете мои книги, немедленно закройте и сожгите».

Истории Джульетты сподвигли меня выбраться из города, и что-то мне подсказывает, что не меня одну. Её персонажи заставляют верить, что за пределами колючей проволоки есть что-то большее, чем грязь. Она красиво писала о любви и чувствах, была путеводителем в мире Грехов, единственным лучиком света во тьме, который помогал найти дорогу и не потерять веру в лучшее. Автор так красиво описывала любовь, что какая-то крошечная часть меня тоже начала её жаждать, но мозг быстро подавлял это чувство разумной мыслью: «Не время». Вот когда я выберусь отсюда, пойду учиться на психолога и стану независимой, самостоятельной личностью...

Раздался свисток, от которого я вздрогнула. Дина хлоп-

нула шкафчик рядом с моим носом, из-за чего я окончательно очнулась и с ужасом осознала, что всё ещё не переоделась...

Удача была на моей стороне - моя маленькая голубая малышка вновь завелась. Да, со скрипом и таким протяжным стоном бессилия, что мне стало жаль машину. А ведь это всего лишь груды металла.

- У меня, кроме тебя, ничего нет... Пожалуйста... - прошептала я, поворачивая ключ зажигания.

Двигатель как-то странно хрюкнул, после чего по кузову побежала такая желанная вибрация. Я медленно направилась к гаражам, в которых работала Руби. Даже если знакомой не будет сегодня, возможности тянуть с ремонтом у меня уже нет.

До колледжа автобусы ездили редко, и мне не хотелось ехать вместе с изголодавшимися пубертатными подростками, когда была возможность этого избежать. А о том, чтобы Офелия сидела с подобными рядом, и речи идти не могло.

Может, она и выглядит как ангел, сошедший с небес со своими белоснежными волосами, пушистыми ресницами, фиолетовыми глазами и молочной кожей, но её, в отличие от этих мифических существ, очень даже можно было потрогать. И я не хочу, чтобы кто-то к ней прикасался, даже после совершеннолетия. Она была моей драгоценностью, которую я обязана была охранять.

- Я узнаю этот звук из тысячи.

Смех Руби меня немного успокоил. Знакомая стояла вся в масле, вытирая пальцы какой-то грязной тряпкой, хотя на её щеке и шее были такие же черные следы, как и на кистях. Мне нравилось, как пахла Руби, - это было в тысячу раз лучше, чем дорогие и удушающие цветочные духи Джулс.

Я передала знакомой ключи. Девчонка в таких же джинсовых шортах, как у меня, и в обтягивающей майке-безрукавке (которую я бы никогда не позволила себе надеть), села за руль моей «Хонды» и загнала её на яму.

- Да, есть пробитие, как я и предполагала. Тебе бы похорошему гофру новую купить, а не запаивать.

- Это... дорого?

При Руби можно было не стесняться. Этот человек никогда не осудит за подобный вопрос, потому что у неё денег было меньше всех в этом городе, несмотря на то, что она крутилась как белка в колесе.

Своими тёмными глазами она выглянула из-под моей машины, вытянула трубочкой розовые губы и почесала затылок.

- Послушай, я могу тебе запаять пока бесплатно, потом покопаюсь в мусоре, может, что из старого приемлемое найду взамен... этого. Но меня пугает твой натяжной ролик, он совсем старый. Если с первой проблемой ты ещё до меня доедешь - да, весьма эффектно, тут ничего не скажешь...

Она ещё пыталась шутить, и я даже позволила себе коротко улыбнуться.

- Но если лопнет эта хрень, - она указала куда-то, в чём я вообще не разбиралась, - то ты заглохнешь на месте, и до гаража твою «Хонду» будет тянуть уже кто-то на тросе.

Улыбка с моего лица пропала. Руби снова нырнула под машину, что-то в ней высматривая. Её тёмные волосы торчали в разные стороны, а брови воинственно зачесались вверх. Сама знакомая была маленькой, на голову ниже меня. Сомневаюсь, что её тело могло сформироваться как-то иначе, потому что она недоедала с самого раннего детства. Её все избегали, говорили даже, что на ней проклятие. Она была тем самым изгоем, с которым родители рекомендовали не общаться своим детям.

Я же знала Руби, потому что наши мамы постоянно были в одном месте: только её в качестве пациентки, а моя - как сотрудник. Мы давно познакомились, и чем старше я становилась, тем меньше понимала, где между нашими «сословиями» проходит грань, из-за которой я должна стесняться знакомой.

На нас были неспроста одна модель шорт - это была старая коллекция, и она продавалась по акции. Наши задницы были одинаково тощими, так что последние маленькие размеры забрали именно мы. Исходя из курсов анатомии в выпускном классе, я могла сделать вывод, что естественные роды нам не грозят.

Я абсолютно не разбиралась в том, что говорила мне Руби после осмотра, только попросила посчитать, сколько всё

будет в конечном итоге стоять. Она никогда не включала в ценник свою работу, а я продолжала накидывать сверху, чтобы хоть как-то её отблагодарить.

Я не могла поступить иначе, когда в памяти всё ещё стоял образ её матери, лежащей под всеми теми трубками, что были прикреплены к телу женщины. И то, как на собственную мать смотрит Руби через прозрачное окошко палаты, пока медицинские сёстры меняют лекарства в капельнице пациентки.

Возможно, знакомой было бы легче, если бы родительница умерла. Тогда бы ей не пришлось покрывать медицинские счета, работы было бы меньше, но больше у девушки никого не было. Думаю, если бы на её месте была я, то поступала бы так же.

Этот город создали для нашего спасения, но чем старше я становилась, тем больше понимала, что это место становится ловушкой для тех, кто не подходит системе администрации.

Обычно я не была такой пессимисткой, ведь у меня были светлые цели и смелые планы на жизнь, но уверена: весь этот месяц меня будет штормить из-за предвкушения особой ночи. Я знала, что у меня есть Грег, ничего не могло пойти наперекосяк, но предвкушение чего-то страшного всё равно преследовало меня. Словно дышало в спину своим леденящим и сковывающим от страха дыханием, а когда я оборачивалась, то ничего не видела. Возможно, это всё-таки нервы...

Домой я вернулась поздно, уже начинало темнеть. Наш се-

рый двухэтажный дом с белыми оконными рамами и оборками по углам крыши становился с каждым днём всё мрачнее. На отделке появлялся мох, а от сырости облупливалась краска. Нужно было заняться фасадом, но на это уйдёт непопозво-
лительное количество денег.

В гостиной тихо работал телевизор. Рядом с диваном стояла пустая бутылка вина. Уже даже не бокал и не два... Нажав на красную кнопку, я выключила телевизор, а после накрыла мать пледом. На лице этого человека был отпечаток изнурительной работы, затяжной депрессии, ненависти к себе, а ещё едва заметный шрам на щеке. Я не знала его истории, как и прошлого матери, но не скажу, что она была плохим человеком. По большей части самовлюблённой когда-то, но с каждым годом жизнь в ней угасала, и она находила своё спокойствие в алкоголе и забытии.

Волосы матери были давно спаленные краской. Корни отрасли вместе с сединой, и родительница не спешила привести себя в порядок. Мы знали правду, но никто не говорил её вслух. Папа оставил нас, завёл себе семью во внешнем мире, скрывает эту связь от правительства, а нас бросил под куполом «защиты».

Я выключила напольную лампу с тусклой лампочкой и поднялась на второй этаж. Там было душно, но Офелия была теплолюбивой девочкой, которая часто мёрзла. И сейчас, в начале вполне себе тёплого сентября, она сидела в тёплых носках, в одной из моих толстовок, которые были ей ещё не

по размеру, и в махровых штанах. Сестра включила в комнате только настольную лампу и вычитывала что-то в учебнике. Её мечтой было стать врачом, получить разрешение от администрации на обучение в колледже с возможностью сюда вернуться, чтобы забрать маму. Ей хотелось много зарабатывать, даже если она станет жертвой системы и у неё будет мизер часов на то, чтобы видаться с семьёй. Те, у кого в этом городе не было каких-то привилегий, были изначально обречены на тяжёлую жизнь, где могли помочь только упорство и выносливость.

- Как ты, малышка? - спросила я сестру, подойдя к ней и поцеловав в макушку. Хорошо, что маме её одноклассницы по пути и она может забирать Офелию, иногда это очень выручает, как сегодня. - Как в школе дела?

Сидя на полу рядом с её рабочим столом, я выслушивала рассказ сестры о её дне. Мне хотелось вернуться в её возраст, думать, что до Ночи жатвы ещё очень далеко, что меня никто не тронет и об этом пока можно не беспокоиться. Вернуться в те дни, когда всё было хорошо...

Глава 4

Даррелл

Я ненавидел в этой девчонке абсолютно всё. Взгляд запуганной лани, светлые волосы, которые она постоянно расчёсывала пальцами, ноги, которые я скоро раздвину, рот, с которого почему-то ещё слетали слова. Я хотел, чтобы она заткнулась. Возненавидела себя. Растворилась. Чёрт подери, я хотел, чтобы она пропала из этого города и чтобы к этому был причастен именно я.

Какого хуя она строила из себя невинность, когда в ней текла кровь её подлого папаши? Считается, что дети не должны расплачиваться за проступки своих родителей, но к семье Блейк это не относится. Они не имели права плодиться, дабы не отравлять этот мир ядом, что тёк по их венам.

Они не были людьми, как бы ни старались ими казаться. Я бы трахнул и их мамашу, если бы она была адекватной. Но какое удовольствие я получу, если эта женщина если не на работе, то вдрызг пьяная? Поэтому придётся ограничиться Оливией, а через пару лет я возьму и Офелию, но уже не в Ночь жатвы, а до, чтобы она официально попала в список шлюх, из которого её хрен вытянет старшая сестрёнка, потому что она уже к тому времени будет раздавлена и сломлена.

А если Оливия ещё будет в состоянии адекватно мыслить и решит что-то сделать, тогда я с радостью наслажусь шоу,

как Офелию сможет взять любой в городе, потому что именно так и положено поступать со шлюхами. Старшая сестрёнка сможет только смотреть, как имеют младшую, без права вмешаться.

И эту ебучую «Хонду Цивик» я тоже ненавидел. Мне хотелось подрезать тормоза, чтобы она разбилась, - настолько я хотел её уничтожения. Но всё это будет мне доступно только после того, как наслажусь телами девчонок Блейка. Если бы не мой блестящий пошаговый план по уничтожению семьи, я бы уже давно что-то сделал с Оливией.

- Ты так смотришь на экран, что мне кажется, у тебя обсессия.

- У меня одержимость, Касс, ничего личного.

На мою голову легли пальцы друга, он крепче сжал мои волосы и повернул моё лицо к себе, чтобы я заглянул в его чёрные глаза.

- Здесь нет понятия «личное», забыл?

Кассиан выпрямился, откинул свои длинные чёрные пряди за спину и посмотрел укоризненно на диван, где разлеглись Дамиан и Алистер. Они над чем-то ржали как кони, явно уже что-то себе пустив по венам.

- Какого хрена вы не учитесь?

В любой компании должен быть «папочка» - человек, у которого голова соображает чуть лучше, чем у остальных. Мы не выбирали сами лидера, считалось, что его не может быть среди нас, но никто не стал возражать, когда негласный

пост «папочки» занял Касс. Как-никак, его отец был в прошлой администрации, так же считался лидером, а теперь выбил себе пост в теневой части правительства, взяв под управление уже не только этот город, а в принципе все. Каждый из нас был связан с внешним миром, мы выполняли поручения родителей, которым вход в этот город был уже заблокирован.

Жители города считали, что администрация - это люди из правительства, и что мы их помощники, но даже не догадывались, что семь Грехов, как они нас называли, и были той самой администрацией.

Так что у Оливии и её сестрёнки изначально не было шансов. Я мог следить за ней через камеры, знал каждый её запрос в интернет, чёрт подери, я знал, каким воздухом она дышит, и собирался контролировать каждый её вдох.

- Блять!

Парни подскочили с дивана и стали отряхиваться. Я услышал шипение и коротко улыбнулся.

- Спасибо, Рид, - Касс похлопал по плечу блондина, который поднёс руку к дивану, и на ней тут же оказалась белоснежная змея.

- Твою мать, Рид, ещё раз эта хуйня к нам подползёт... - завопили Дамиан и Алистер в один голос.

Блять, кто-нибудь, выключите их. Я был бы рад, если бы ручной зверёк Рида был смертельно ядовит: у Касса бы стало на две занозы в заднице меньше, а у меня бы не раскалывалась голова от ора ребят.

- И что вы ей сделаете? - спокойно спросил Рид, поглаживая змею.

Рид был моей полной противоположностью по внутреннему темпераменту. Внутри меня горел огонь, я хотел унижать и крушить. Я хотел боли и мести, причём настолько, что причинял эту боль и себе. Верхняя часть тела от шеи до фаланг пальцев была покрыта узорами из чернил. Потому что мне нравилось, как иглы пронзали кожу, как боль растекается по телу, подпаливая внутренний фитилёк.

Рид был иным: холодным, спокойным. Я бы сказал, убийственно спокойным и всегда собранным. У него были свои заскоки, и белая змея на его руке, стремящаяся к шее, - не самый худший из всех.

- Дамиан, почему бы какой-нибудь шлюшке не отполировать тебе член?

Я мысленно простонал. В комнату зашли близнецы Фил и Макс, два брата-идиота, которые, судя по искрящимся глазам, накинулись той же дрянью, которой Алистер угостил и Дамиана.

Алистер из нас всех - самый настоящий принц. Его отец занимался наркоторговлей, так что этот парень с рыжими волосами поставлял развлечения и в наш город. А его мама - владелица фармкомпаний, так что несложно сложить два плюс два и понять, как они друг друга нашли. Алистеру чаще всего приходится уезжать за город на какие-нибудь приёмы к своим родителям, а после он возвращается с увеселитель-

ными витаминками для нашего города, лучшие сорта которых идут нам.

Лучшим другом Алистера был Дамиан, с такой же ублюдской причёской вулфкат. Только у второго волосы были чёрными, как у меня и Кассиана. Если Алистер был по вещам, то его лучший друг так же тащился от девочек, буквально не мог с них слезть. Если взять список шлюх, то уверен, он всех их опробовал, и ещё больше уверен в том, что половина из них в список попала благодаря самому Дамиану. Мы не часто использовали свои прозвища, частенько стебались над всем этим, но Дамиан больше всех соответствовал своему греху - Похоти.

Если вам интересно, как дела обстояли с остальными, то я был Гневом. Папочка Кассиан - Гордыней. Хладнокровный Рид со своей змеей - Завистью. Алистер - Чревоугодием. Хотя тут можно поспорить: он больше свой нос забивал, нежели желудок.

Ввалившиеся белобрысые близнецы - Фил и Макс - Жадность. А та бедолага, что стояла между ними на подкашивающихся ногах и неестественно широко улыбалась... Да хуй его знает, кто это вообще был.

- Почему бы вам всем не съебаться отсюда? - поинтересовался я у друзей.

- Дайте вздрочнуть Дару на его блондинку, - рассмеялся Дамиан, потянув за собой Алистера. - К слову, как закончишь с ней, я первый на очереди.

- Обязательно, если от неё хоть что-то останется, - хмыкнул ему в ответ.

Мы оба широко улыбнулись. Раздражение проходило вместе с головной болью, а к члену стала приливать кровь. И правда, мне бы не помешало что-то сделать со своим возбуждением. Но я дал себе слово не прикасаться к члену весь месяц, чтобы оторваться на Оливии в Ночь жатвы.

Парни ушли, почти все, подхватив с собой единственную девушку. У кого-то будет весёлый вечер, в отличие от моей монотонной слезки.

Касс навис надо мной, оперевшись одной рукой о стол, второй - о спинку моего стула.

- Опять над мелким стебуться?

Мы оба смотрели на монитор, где была запись с камер женской раздевалки. Оливия стояла как столб и ничего не делала. Как это, блять, было на неё похоже. Я знал, что наша первая ночь будет полной скукой: эта девчонка даже сопротивляться не станет, не в её бесхребетном стиле подобное. Примет свою судьбу и послушно раздвинет ножки, посчитав, что всё так просто закончится.

Кассиану не нравилось, что обижали Марса, из нас всех он и Рид были самыми мелкими, только первый год в колледже. Но Рида никто не трогал, и он открыл информацию у себя в профиле о том, кем является. Марс скрыл, продолжая играть роль какого-то идиота. Следующие по старшинству были Дамиан и Алистер, у этих придурков даже возраст

совпадал, так что они оба разносили второй курс колледжа. На последнем уже был я, Касс и близнецы, так что мы были ответственные за действия своих младших.

- Думаю, он сам в состоянии разобраться с этим, - я взял мышку, нарочно задев руку Касса, чтобы он свалил.

Я поделюсь Лив после всего, но до этого только мне положено смотреть на то, как она переодевается.

- Ладно, ухожу, - друг поднял руки в знаке капитуляции. - Если что, сплю наверху.

Нашим центром был трёхэтажный дом. В большинстве своём каждый из Грехов тут тусовался, потому что у всех была личная комната, сауна, бассейн и ещё до неприличия много комнат, в которых было абсолютно всё для беззаботной жизни. Мы могли выглядеть идиотами, но у нас было много работы. То, что я пользовался всеми этими привилегиями, было хоть каким-то плюсом от того дерьма, что мне и другим ребятам пришлось вывозить на своих плечах.

Блондинка с кудрями себе не изменяла. Почему она была так уверена насчёт члена Марса? Знала бы она, над кем пытается шутить, закрыла бы свой красивый ротик.

Я промотал всю потасовку, пришёл к тому моменту, как она стала раздеваться. Мы наказывали тех, кто пытался взломать нашу систему видеонаблюдения или хотел установить собственные камеры в женских раздевалках. Но, хоть прихлопните меня, не понимал удовольствия в наблюдении за этим. Возможно, я был перенасыщен подобным зрелищем:

сиськи хоть сейчас мог пойти потрогать живую, и мне не надо было украдкой поглядывать на них, а в остальном всё было скукой смертной.

Зевнув, переключился уже на свой девайс. Камера в ебу-чей машине... Ненавидел её. Пришлось сразу же отключить звук, пока мои перепонки не лопнули от грохота, с которым заводилась развалюха Оливии.

Меня должен был радовать этот звук, он был прямым доказательством того, в каком дерьмовом положении оказалась семья Блейк. Я перекрыл им денежный транш от их папаша. Сверху пришло распоряжение о дальнейшем неплохом финансировании семьи Блейк, но никто и никак не мог проследить, куда именно идут финансы этой семьи внутри города, так что...

Их стерва-мать продолжала утопать каждый день в бухле, иногда даже на работе, а дочери, словно загнанные олени, с огромными глазами бегали по городу в надежде на лучшую жизнь. Ну не прелесть ли?

Под вечер к девчонке заглянул Грег. С этим парнем мне ещё предстояло побеседовать, но я всё оттягивал, предвкушая удовольствие. Они в который раз обсудили, как они встретятся, во что она оденется, а после... Эти ублюдки перешли к моей самой ненавистной части.

Оба упали на кровать и с противным звуком стали целоваться. Я мог бы выключить звук, но я должен был знать каждый шаг их действий, услышать, чего именно опасается Оли-

вия, чтобы поступить именно так.

Грег в который раз попросил ему отсосать, а Оливия со своей ебучей улыбкой помотала головой. Грегори, ты круглый идиот. Оливию Блейк не надо просить, её нужно брать и трахать, эта сука слов не заслуживает.

Но кое-что полезное я услышал. Она попросила не сжимать её грудь, потому что она сильно чувствительная у неё, особенно соски. Нужно попросить у близнецов их иглы для пирсинга, которыми они себя дырявят, когда получают кольцо очередной девчонки. Они их плавят и делают пирсинги, вставляя себе куда вздумается. Остальные со временем эту идею тоже подхватили, но только у Фила и Макса проколы дошли до члена.

Кольца - это наитупейшая традиция. Полагалось, что они будут чем-то вроде кольца невинности: девушка - свою кровь, а парень - свою свободу, забирая кольцо себе на мизинец или любой другой палец, на который оно ему подходило. Время шло, традиция менялась: кольца забирались парнями после секса, но с ними уже делали что хотели. Единственная ночь, когда парни их надевали на себя, - это Ночь жатвы. Всё...

Но у этой ебатории появилось ещё одно ответвление благодаря какой-то Джульетте, которая настрочила пару лет назад роман благодаря своему недалёкому мозгу. Властям идея из этого романа понравилась, и они потребовали от администрации закрепления подобного закона: за Грехом мог-

ла закрепляться одна-единственная девушка, это называлось «покровительство». Всё, что нужно было девушке, - отдать свою девственность Греху и своё кольцо. А знаете, что полагалось парню? Разгребать до самой смерти проблемы этой девушки, даже если она уезжала из города.

Пара официально закреплялась в сети, в профилях появлялась пометка, а Грех обязан был носить на своём пальце кольцо своей избранницы.

Ахуеть как романтично. У меня была идея вычислить, кто эта Джульетта, что нам так поднастрала, но парни меня оставили. Им было смешно даже с самой идеи подобного закона, потому что рядом с нами никто не посмел бы даже заикнуться о каком-то «покровительстве».

Я очнулся от размышлений, когда Грег уже уходил. Можно было только посочувствовать парню, у которого член вот-вот должен был порвать ткань джинсов. Что-то мне подсказывает, что он не будет против моего маленького плана после того, как его так долго динамила Оливия. Пусть он не станет у неё первым, но я позволю ему сделать с ней после всё, что он только пожелает...

P.S через месяц выйдут остальные главы этой книги (в процессе написания остальные можно найти на литнет по ПОДПИСКЕ), после окончания написания книга станет БЕСПЛАТНОЙ! Буду рада любым реакциям для продвижения данной истории!

Глава 5

Оливия

- Безобразие какое-то! - Джулс вылетела с красными щеками из кабинета гинеколога.

Мы все наблюдали, с каким хлопком закрылась белоснежная дверь с золотистой ручкой, которую я ненавидела с шестнадцати лет. Она - одно сплошное напоминание о том, что тебя ждёт в будущем.

Дина шумно втянула воздух, натянув капюшон сильнее, желая исчезнуть с этого места. Не знаю почему, но Джулс её раздражала сильнее, чем другие.

- Да я! Да вы! Как вы смеееете вообще?!

- Что такое, палец в задницу засунули?

Я постаралась скрыть улыбку от вопроса Дины, а вот другие девочки засмеялись громко, почти в унисон.

Джулс фыркнула, нависла над нами (так уж сложилось, что Дина сидела рядом со мной на металлической скамейке в ожидании своей очереди) и звонко произнесла:

- По крайней мере, там не побывает член, а вот тебе есть над чем задуматься.

Однотруппница поправила распущенные волосы, развернулась на каблуках и зашагала на выход.

- Я плохой человек, если хочу, чтобы ею открыли Ночь жатвы? - прошептала себе под нос Дина, но я слышала.

- Что это значит?

Я повернулась к однокласснице, которая сидела в темно-зелёной толстовке, спрятав волосы под капюшоном. Из-под тени на меня смотрели серые глаза. Только сейчас я заметила, что на переносице и щеках Дины были маленькие веснушки.

- Открытие ночи? - переспросила она меня, и я кивнула.

- Ты была когда-нибудь в Паноптикуме?

- Нет, - я поёжилась от одного только воспоминания о круглом кирпичном полуразрушенном строении, что стояло посреди поля и кошмарило одним своим видом.

- В его центре есть площадка для надзирателя. Там открывают Ночь жатвы. Обычно этим занимается Грех: затаскивает свою избранную, и, когда заканчивает, начинается всё остальное веселье.

- Ты... откуда это знаешь?

- Папа рассказал как-то, - пожала плечами Дина, словно обсуждать подобное с родителями - обыденность.

Я заметила, что близняшки смотрели на нас с интересом, явно прислушиваясь к разговору. Их белоснежные выжженные волосы струились длинными волнистыми прядями до поясицы. На светлой коже девчонок тоже были веснушки, и я понятия не имела, почему раньше не подмечала такие детали во внешности людей, которые меня окружали. Думаю, сейчас мой мозг просто пытался отвлечься от пугающего будущего, концентрируясь на бесполезных деталях.

- Если честно, - призналась тихо я, - вот уж кому я завидую. У Джулс больше шансов на эту ночь попасть, чем у тебя.

- Мой отец уехал недавно и вряд ли вернётся к этим выходным, - опровергла мои догадки Дина.

Но мы обе прекрасно знали, что её защита действовала, даже если отца не было рядом.

В коридоре больше никто не разговаривал, а вскоре позвали и меня...

В гостиной пахло жареным мясом. Простонав от удовольствия, отбросила сумку с вещами и зашла на кухню, где Офелия стояла над бургерницей.

- Я решила сделать нам парочку, - она поставила на стол передо мной тарелку. - Мама оставила немного денег, так что я после школы сходила в магазин.

- Ты... всё хорошо? Тебя не трогали?

- Ли-и-и-в, - протянула сестра. - Мне не пять лет, я могу за себя постоять. Парни сейчас другим заняты, а ещё на улице пасмурно, так что я даже немного погуляла.

Мой аппетит тут же пропал, но я всё равно укусила пропитанную соусами булочку с кунжутом. У Офелии отлично получалось готовить. Впрочем, иначе и быть не могло - нам обоим приходилось заниматься этим с раннего возраста.

- Сделаем после еды маникюр? - предложила я, и сестра радостно закивала.

Мы расположились в моей комнате на первом этаже. Моя кровать стояла прямо возле окна - там было больше света и

не так душно. Рядом находился небольшой рабочий стол на четырёх ножках, одна из которых постоянно шаталась. Почему-то болтик в ней откручивался, и через какое-то время стол начинал скрипеть, теряя устойчивость. На деревянном дощатом полу лежал разноцветный ковёр, который добавлял немного веселья в комнату с синими стенами и белым потолком. Помимо этого, здесь был платяной шкаф, в котором хранились все мои вещи, - и на этом, пожалуй, всё.

Достав маникюрные наборы, я разложила инструменты, и мы принялись обрабатывать кутикулу.

- Это правда? - тихо спросила Офелия, уже расправляясь с баночкой прозрачного лака. - Что существуют списки девственниц?

- Офелия... - прошептала я в сердцах, - тебе ещё рано о таком думать.

- Мне интересно, правда! Я должна знать, Лив. Сегодня они ведут меня в пятнадцать лет к врачу, а после администрация изменит возраст для участниц Ночи жатвы.

- Даже не говори так, - мой тон стал суровым, хотя по венам разливался леденящий страх за сестру. Я не позволю кому-то тронуть её. Никогда. Никому. - Мы что-нибудь обязательно придумаем. Если у меня не получится вытянуть тебя из города, то... может быть, кого-то найдём, но это самый крайний вариант. Послушай... - я отложила инструменты, взяла Офелию за холодные руки и посмотрела в её необычайно красивые глаза. - Тебя это не коснётся, хорошо?

Она ещё какое-то время внимательно изучала моё лицо, а потом медленно кивнула.

- Ты боишься? - только и спросила она.

Мне хотелось ответить честно, но нельзя было ещё больше запугивать и без того накрутившую себя сестру.

- У меня всё под контролем.

Я улыбнулась так искренне и тепло, что на мгновение сама поверила в свои слова.

- Списки и правда существуют, если тебя это интересует. Невыносимо видеть, как парни открывают их прямо перед твоим носом на занятиях, а потом с ухмылочками осматривают всех в аудитории, словно выбирают жертву. Но ты же помнишь, у меня есть Грег.

- А ты его любишь?

После этого вопроса ножнички сорвались, задев кожу, и рядом с кутикулой выступили алые капли крови. Мне тут же стало плохо - я не выносила ни её вида, ни запаха. Особенно запаха.

Офелия обмакнула ватный диск в обеззараживающую жидкость, прижала к моему пальцу и принялась дуть на ранку.

- Ты будешь отличным врачом когда-нибудь, Офелия, и я сделаю всё, чтобы твоя мечта исполнилась.

Я погладила сестру по белоснежным волосам, пока та заботливо обрабатывала мой палец. У меня была мать, но роднее и ближе Офелии никого не существовало, так что я была

готова пойти на какие угодно жертвы, только бы она была счастлива.

- Хочешь, покажу своё колечко?

- Оно уже готово? - с восторгом поинтересовалась я, и сестра радостно кивнула, после чего достала из-за ворота цепочку, на которой носила кольцо.

Его нельзя было снимать с шестнадцати лет, но так как Офелии было ещё пятнадцать, она могла хранить его где угодно.

У украшения не было замысловатого дизайна, точно так же, как и у моего. Ровный ободок с четырьмя лапками, которые удерживали небольшой камушек. У меня это был изумруд, у сестры - сапфир. Он идеально сочетался с её радужками. Мой же камень... Зелёный цвет навевал мне чувство спокойствия. И хотя я ненавидела символ всего того дерьма, что происходило в городе, я постаралась сделать кольцо максимально ненавязчивым, простым, чтобы с лёгкостью с ним распрощаться.

- Не потеряй его, а то за это большой штраф, мы не потянем.

- Конечно! - сестра вернула кольцо на цепочку, после чего спрятала её за ворот толстовки. - Завтра мама опять уйдёт на ночную смену, так что, если хочешь, я могу куда-то тоже уйти.

- Не нужно, Грег заедет за мной на машине. Я буду ждать его ближе к одиннадцати вечера во дворе, тебе в это время

уже нужно будет спать.

Сестра кивнула, а потом помогла мне закончить с ногтями. В конечном итоге результат вышел очень даже ничего. Я вытянула руку, глядя, как на кисти поблескивает прозрачный лак и изумруд. Станет даже немного грустно расставаться с украшением, которое я носила чуть больше двух лет...

На улицах уже стояла тишина, лишь тихо потрескивали фонари, работавшие от солнечных батарей. Зарядившись ещё днём, они отлично освещали подъездную дорожку к дому и тропинку от ворот до двери. Обернувшись, я ещё раз убедилась, что в доме везде выключен свет. Когда я заходила к сестре в последний раз, она тихо сопела в своей кровати.

На часах было 23:00. Грега всё ещё не было. Где-то вдали слышался громкий смех, музыка, а потом пронеслись мотоциклы и машины. Тем не менее, Грег всё ещё не было.

Я разблокировала телефон и открыла наш совместный чат. Я спрашивала у него сегодня днём, всё ли у нас в силе, и он подтвердил. Мне не было смысла волноваться: такие схемы проворачивались не раз, и Грег уже в подобном участвовал. Я знала, что привлекаю его как девушка, он не раз намекал на отношения, но мне не нужны были чувства. Мои цели оставались неизменны, а эмоциональная связь могла повлечь за собой нежелательные последствия. Я не хотела уезжать из этого города с тяжёлым сердцем, поэтому всегда ему отказывала. Мне казалось, моего кольца ему хватит в качестве расплаты. Может, если мне понравится (уж слишком некоторые

восхваляли секс), мы переспим ещё не раз, но это будет уже после...

Я вздрогнула, услышав тихий шум за спиной.

- Я уже начала переживать, - прошептала, прижав ладонь к сердцу, и обернулась.

Рядом со мной стоял не Грег - далеко не он. На меня из темноты смотрели два чёрных глаза, которые частично прятались за растрёпанными прядями таких же чёрных волос. Это был Даррелл.

На нём была расстёгнутая наполовину тёмная рубашка, подставляя на обозрение узоры на его коже, и брюки, а позади парня был припаркован «Рендж Ровер», на котором он приезжал в колледж. Нет, это явно какая-то ошибка...

Я шагнула назад, но Даррелл не шевелился. Он так прожигал меня взглядом, словно действительно хотел убить.

- В машину, - обманчиво спокойно скомандовал он.

Но его грудь так часто вздымалась, будто он взаправду был в неистовой ярости.

- Послушай, я... - мне всегда было страшно смотреть на кого-то из Грехов.

Даже на их профили я зашла всего один раз, чтобы просто запомнить, как они выглядят, и больше никогда к ним не приближаться. Есть красивые мальчики, есть опасные, а есть те, в чью сторону лучше даже не дышать. Даррелл был как раз из последних - он был Гневом. Не знаю, может, потому, что его внешность располагала к такому пороку (выглядел

он как чистейшее олицетворение зла), а может, было что-то ещё... Я не вдавалась в слухи, у меня никогда не было желания приближаться к их кругу. Мне просто нужны были тишина, спокойствие и Грег.

- Я жду... кое-кого, - глядя на носки своих кроссовок, прошептала я.

Парень молчал, и с каждым его шумным вдохом чувствовала, как внутри всё сжимается. Мне нужно было рискнуть и поднять голову, чтобы ещё раз сказать, что...

Ладонь, которой я хотела вытереть выступившую на лбу испарину, перехватили сильные пальцы и сдавили с такой силой, что я тихо взвизгнула.

- Что непонятного в моей фразе «в машину»? - с этими словами он так резко дёрнул меня, что я полетела в направлении внедорожника.

Не удержавшись и вдобавок споткнувшись о маленький бордюр, я упёрлась руками в матовый капот. Это было очень плохо... И ладно бы то, что меня первой нашёл Даррелл, - тут я понимала правила игры: кто первый успел, того и девушка. Но трогать машину самого Гнева... У меня не было девяти запасных жизней.

Даррелл снова схватил меня за запястье, потащив, как мне сперва показалось, к задним пассажирским дверям. Но я слегка зависла, заметив, как плавно открывается крышка багажника. Нет, он же это несерьёзно?

Парень не церемонился - потянул ещё сильнее, когда я по-

пыталась упереться пятками в землю.

- Сука, - сорвалось с его губ, и я понятия не имела, обозвал ли он меня или саму ситуацию. Если второе, то я была с ним полностью согласна.

Я так быстро придумала план с Греггом, что совершенно не размышляла над тем, что делать, если всё пойдёт наперекосяк. Да и смысла в этом будто бы не было.

А теперь, когда меня тащил в преисподнюю сам Гнев, выбора не оставалось. Но с семнадцати лет мне стали сниться ужасные сны: как за мной охотятся, а я изо всех сил стараюсь убежать по лесу. Бегу, задыхаюсь, но продолжаю сопротивляться преследующему меня кошмару. И почему-то, просыпаясь в испарине, я думала, что в реальности буду вести себя так же. Но... моё тело не могло бороться. Жалкие попытки были легко подавлены Дарреллом. Одного его взгляда хватило, чтобы я перестала вырываться и, словно тряпичная кукла, сдалась на волю его рук.

Он грубо толкнул меня в грудь, из-за чего я завалилась в багажник. Бесцеремонно забросил мои ноги внутрь, чтобы закрыть крышку. Из-за этого резкого движения коленка ударила меня по подбородку, и я сильно прикусила губу. Во рту мгновенно появился солоноватый вкус. Я прикрыла глаза, несмотря на крошечную темноту внутри, и, лёжа на боку, прижала к себе колени, боясь лишний раз шелохнуться.

Моя сумка с телефоном так и осталась лежать на газоне возле дома. Я осталась в белых кроссовках, розовых леггин-

сах и воздушной блузке с открытыми плечами. Сердце в груди колотилось так бешено, что я не сразу осознала, что уже несколько секунд слизываю кровь с губы. От паники и волнения начало мутить, а ко всему этому присоединился отчетливый запах собственной крови.

Даррелл вёл машину так резко, что меня мотало из стороны в сторону, словно я попала в барабан стиральной машины. Моё плечо сильно разодралось о покрытие багажника, и я была уверена, что одежда окончательно испорчена.

Чем дольше мы ехали, тем отчетливее я понимала, что происходит. Меня похитил человек, которого я видела всего несколько раз, и эти встречи никогда не приводили к чему-то хорошему. Первый контакт с Дарреллом случился первого сентября, когда он задел меня в коридоре, и больше ничего. Лишь пару раз я ловила на себе его тяжёлый взгляд, но... всегда списывала это на паранойю. Зачем Гневу смотреть на меня? Кто я такая, чтобы привлечь его внимание?

Низ живота неприятно стянуло спазмом в предвкушении боли. Даррелл не будет нежным, это было очевидно. Но и ночь не будет длиться вечно...

Когда машина наконец заглохла, я услышала оглушительную музыку и чьи-то радостные вопли. Когда Гнев открыл багажник, я уже на девяносто девять процентов смирилась со своей участью, поэтому стала неповоротливо вылезать сама. Ему это, судя по всему, показалось слишком медленным - он в который раз грубо дёрнул меня за руку, и я вывали-

лась из машины, как какой-то мешок. Он молча смотрел, как я поднимаюсь с земли и отряхиваюсь, в то время как толпа вокруг нас постепенно затихала.

Всюду стояли столбы с огнем, подобия факелов, а также полыхали огромные костры, пламя которых освещало поле и гигантское каменное строение.

Стало очевидно ещё кое-что: Дарреллу мало просто заполучить мою девственность, ему хотелось причинить мне как можно больше боли. Но что я ему сделала?

Люди, которые до этого веселились, расступились и создали живой коридор, встав по две стороны от нас до самого входа в Паноптикум. Парень и девушка. Парень и девушка. Парень и девушка... Их было так много, что я сбилась со счёта. Я безропотно шла за Дарреллом, точнее, телепалась, потому что он тащил меня с такой скоростью, что я едва поспевала. Парень был выше меня головы на две, сильнее, крупнее. У него были широкие плечи, узкая талия и длинные ноги, за шагом которых мне было не угнаться.

Вскоре мы оказались внутри. Перехватив моё запястье, он хищно улыбнулся. И лучше бы я этого не видела, потому что такая ухмылка пугала ещё сильнее, чем его напускное спокойствие.

Внутри горели те же факелы и бочки с огнём. Вокруг всего строения ярусами шла лестница, позволяющая попасть в камеры. Часть решёток была завешена белыми простынями, часть нет, так что я смогла подглядеть, что находится внутри

камер. Содержимое не впечатляло...

Возле камер стояли люди, они все молча смотрели на нас, и никто... абсолютно никто не произносил ни звука.

В центре этой кирпичной огромной «трубы» была огромная бочка, а рядом с ней – возвышение с винтовой лестницей вокруг: смотровая площадка для надзора. Кажется, именно там и должна была находиться первая пара. Я уж было решила, что у меня есть короткое время на передышку. Раз все стояли и чего-то ждали, значит, и мы с Дарреллом застынем на месте, как остальные. Но он уверенно двинулся в самый центр первого этажа, прямо к смотровой площадке, на которой стояло подобие одноместной кровати, застеленной белоснежной простынёй. То же самое находилось и в камерах, не завешанных простынями...

- Нет... - прошептала вдруг я. - Нет, только не сюда, - вырвалось в последней отчаянной попытке защититься.

Даррелл остановился лишь на секунду, чтобы обернуться ко мне, и с торжествующим блеском в глазах вкрадчиво произнёс:

- Как раз сюда, куколка. Потому что сегодня именно мы открываем этот бал.

Глава 6

Оливия

Даррелл отпустил меня сразу же, как мы поднялись на небольшую площадку, после чего надёжно заслонил собой спуск по лестнице. Так что я могла либо прыгнуть вниз - и гарантированно себе что-то сломать, если не убиться, - либо остаться. Ещё был вариант горящей под нами бочки, и даже она с её перспективами выглядела заманчивее, чем полные ненависти чёрные глаза Даррелла. Посмотрев на вспышки огня, который разгорался сильнее из-за того, что кто-то из ребят кинул туда бутылки с виски, я вздрогнула от резких хлопков.

И даже эти звуки не отвлекли публику, внимательно следившую за происходящим между мной и Гневом. Подойдя к белоснежной простыне, я села на неё и дрожащими руками стала стягивать блузку. Даррелл оказался возле меня всего за два шага, и теперь его пах находился прямо на уровне моего лица. Думала, он расстегнёт ремень и заставит себя ублажать, но он явно не нуждался в прелюдиях. Я видела его каменное возбуждение сквозь чёрную ткань широких штанов.

Его пальцы вцепились в ткань возле моей шеи и в один рывок разорвали блузку на две части. Отвлечься от страха не получалось - рядом со мной стояло его живое олицетворение, и оно не собиралось меня щадить.

- Что я тебе сделала?

Прошептала это так тихо, словно нас могли подслушать. Я заглянула в лицо парня. Он на секунду замер с таким видом, будто безмолвно спрашивал: «Ты сейчас серьёзно?» У каждой ненависти должна быть основа, и я искренне не понимала, что произошло между нами.

Обхватив меня за талию, парень рывком поднял меня на ноги, развернул и так толкнул в спину, что я упала животом на простынь. В рёбрах зажгло от боли: то, что я считала кроватью, оказалось грубым деревянным каркасом без какого-либо матраса и подстилки, и сейчас жёсткие доски безжалостно впились в тонкую кожу груди.

Я оказалась без одежды - трусики, как и леггинсы, лежали у моих ног разорванными. Даррелл делал всё, чтобы после этой ночи от моих вещей ничего не осталось. Уронив лоб на руки, я прикрыла глаза, пытаюсь хотя бы на секунду забыть, где нахожусь.

В нос попал резкий запах дорогого одеколona. Доски скрипнули, колено парня грубо развело мои ноги, а ладонь вцепилась в волосы на затылке, оттягивая голову назад так сильно, что мне показалось - он в два счёта сломает мне шею. Чтобы ослабить натяжение, мне пришлось приподняться на вытянутых руках.

- Смотри, сука, на них. Они ждут шоу, и мы его им дадим, - прошептал Гнев мне на ухо, после чего больно укусил за мочку.

Всхлип сорвался с губ вместе с первой слезой. Удерживая меня одной рукой за волосы и с каждой секундой всё сильнее сдавливая пальцы, Даррелл поднёс к моим губам другую ладонь.

- Облизывай.

Видимо, я делала это слишком медленно для него, потому что он так сильно рванул за волосы, что невольно приоткрыла рот, пытаюсь облегчить боль. Его пальцы тут же оказались внутри, грубо коснувшись языка. Когда он вынул их, между его ладонью и моими губами потянулась тонкая нить слюны.

В следующее мгновение эти же пальцы оказались между моих ног. Продолжая удерживать меня, он резко вошёл ими внутрь, раздвигая стенки и бесцеремонно подготавливая меня к себе. Это не было жалостью с его стороны, подачкой или заботой - он просто не хотел технических проблем, которые могли возникнуть из-за моего сковывающего страха. Я ужасно боялась его, меня пугали мысли о каждой последующей секунде в этом месте.

Но движения его пальцев против воли усыпляли бдительность измученного тела. Боль смешивалась с диким, неправильным удовольствием, когда он глубоко вталкивался в меня. Зажмуриться не получалось: он держал меня за волосы так крепко, что кожа на лице натянулась, и мне приходилось смотреть на толпу, ожидавшую моей крови.

Когда Даррелл навис надо мной, оперевшись свободной рукой рядом с моей и удерживая вес своего тела, я заметила

на его пальцах алые следы.

Моя кровь...

К горлу подкатил тошнотворный ком, но отвращение мгновенно уступило место первобытному ужасу, когда я услышала характерный звук расстёгивающейся молнии.

Парень приподнялся, перехватил меня за талию и прижал головку члена к моему лону. Он вошёл резко, глубоко и болезненно. Я не смогла сдержать пронзительный вскрик, и слёзы градом потекли на простынь. Даррелл не останавливался: он начал двигаться бешено, дико, задавая сокрушительный ритм, пока жгучая боль растекалась по всему моему телу.

Я чувствовала, как по бёдрам течёт кровь. Тело сделалось ватным и невесомым, голова опустела, а внизу живота с каждым его мощным толчком взрывались новые вспышки боли. Он был слишком длинным и толстым. Чёрт, я вообще не была уверена, что мужчина таких размеров может помещаться во мне, но Даррелла это абсолютно не волновало. Он насаживал меня до упора, его пах со шлепками бился о мои ягодицы, и эти звуки сопровождались радостными криками и одобрительным свистом из темноты.

Теперь меня уже не так беспокоили зрители, как время, которое будто превратилось в моего личного врага и предательски остановилось, чтобы продлить это мучение.

Внутри всё горело, в этом не было ни капли приятного. Все романы, которые я читала раньше, были сплошной

ложью. Порноактрисам, должно быть, платят баснословные деньги, раз они выдерживают подобное часами.

Я бессильно разрыдалась. Даррелл же хрипло простонал от удовольствия, резко перехватил меня за горло и прижал спиной к своей горячей груди, меняя позу. Он продолжал жестоко вколачиваться в меня, пока я кричала и плакала от боли. Но вскоре ему надоели и мои крики: пальцы с чернильными татуировками на костяшках сдавили мою шею так сильно, что кислород перестал поступать в лёгкие.

Потеря сознания могла бы стать спасением, но сейчас всё выглядело так, будто Гнев искренне желает моей смерти. Пальцами, которыми я только что отчаянно сжимала простынь, я попыталась разжать его мёртвую хватку на своей шее. Над моим ухом раздался тихий, грудной смех, свидетельствующий о том, что Даррелл наслаждается моим предсмертным страхом. Мои ногти обломались, свежий маникюр, который мы ещё совсем недавно делали с Офелией, превратился в месиво. Пальцы покрылись кровью, сочащейся уже из расцарапанной руки Гнева. Я изодрала ему кожу, но он продолжал нещадно брать меня.

И когда в глазах окончательно потемнело, а нехватка воздуха обожгла лёгкие, Даррелл вдруг глухо застонал и резко выпустил меня. Со взвизгом я рухнула на жёсткие доски, больно ударившись грудью и лицом.

Окольцевав мою талию одной рукой, он с лёгкостью приподнял моё обмякшее тело, пока второй рывком выдернул

из-под меня окровавленную простынь. Небрежно вытерев ею мои бёдра, он подошёл к самому краю площадки и высоко поднял полотно над головой. Ревущая толпа внизу разразилась оглушительными визгами и криками.

Это был мой единственный шанс на спасение. Я могла бы толкнуть его в спину, и он полетел бы прямиком в пылающую бочку, или попытаться сбежать по лестнице прочь из этого проклятого места. Но было одно жирное «но»: у меня не оставалось сил даже на то, чтобы просто подняться на четвереньки. Внутри всё полыхало так, словно в меня вогнали раскалённую кочергу.

Даррелл швырнул окровавленную простынь вниз, прямо в огонь, после чего развернулся ко мне, пока люди внизу начали расходиться по своим камерам. Веки казались свинцовыми, всё вокруг расплывалось из-за слёз и тусклого освещения. Дикая слабость лишила меня возможности двигаться, возникло ощущение, будто моё тело весит несколько тонн. Даррелл навис надо мной: его рубашка была полностью распахнута, мощная грудь покрылась каплями пота, а на алых губах играла хищная улыбка. Он присел передо мной на корточки и снова грубо зарылся пальцами в мои волосы на затылке, резко потянув вверх.

- Шоу закончилось для них, но не для меня.

Резким рывком он заставил меня сесть, после чего замер, ожидая, когда я разберусь с его шириной. Я уже уяснила: если буду медлить, последует новая порция боли, поэтому дро-

жащими пальцами принялась расстёгивать его брюки. Его член был испачкан кровью, и хотя он недавно кончил, новое возбуждение наливало его до самой головки, на которой уже выступили капли смазки.

- Открывай рот, - приказал он, и я беспрекословно послушалась.

Он был так же нещадно груб, не давая мне сделать даже короткий вдох. Только теперь ему для этого не требовались пальцы - моё горло душили его огромные размеры, его ярость и его... *Гнев...*

Даррелл полностью управлял движениями моей головы, в то время как сам запрокинул лицо, прикрыв глаза. Я обречённо смотрела на его мощную шею, острый подбородок, тёмную щетину, покрывавшую кожу, а также на чёрные татуировки, которые хищными линиями сплетались в змей на груди и рассыпались цветами на ключицах. Даррелл выглядел как прекрасный холст в руках безумного творца. И насколько красивыми были его татуировки, настолько же уродливой и черной оказалась его внутренняя суть.

Меня отпустили только тогда, когда по подбородку потекла липкая, солоноватая сперма. Даррелл молча наблюдал, как я давлюсь и кашляю, и улыбался с нескрываемых садистским удовольствием. Блеск его чёрных глаз был нездоровым, пугающим.

Дёрнув меня в последний раз за волосы, из-за чего я соскользнула с деревянного каркаса и упала на самый край ка-

менной площадки, Гнев посмотрел на меня так, словно был готов сбросить вниз.

На мгновение я обернулась и с ужасом заметила под собой зияющую пропасть. Я сильно недооценила высоту, на которой мы находились. Если он толкнет меня - это гарантированная смерть.

- Пожалуйста... - жалостливо прошептала я.

Я понимала, что он вряд ли внемлет моим мольбам, но инстинкт самосохранения заставлял делать хоть что-то.

Даррелл сделал несколько шагов назад, неторопливо застёгивая ширинку, после чего небрежно взъерошил волосы.

- Отпусти меня... - вновь тихо попросила я, осознавая, что страх умереть здесь прямо сейчас перевешивает любой стыд. - У меня дома маленькая сестра, она не переживёт моей смерти. О нас... больше некому позаботиться, пожалуйста...

- Завали своё ебало, - яростно, практически по слогам прошипел парень и сделал ещё один шаг назад.

Он встал на противоположном краю площадки: один неверный полушаг, и он сам сорвётся вниз.

Прикрывая разодранную грудь рукой, я предприняла попытку подняться. Я знала, что стыдиться уже поздно - этот человек только что безжалостно растоптал мою честь. Следы его извращённого удовольствия всё ещё оставались на моей коже, а на губах всё ещё ощущался горький вкус его семени.

Гнев опустил голову, тяжело потеряв лоб ладонью, словно

пытался заглушить внезапную вспышку мигрени.

- Съебись отсюда. У тебя пять секунд.

Повторять дважды не пришлось. На подкашивающихся, трясущихся ногах я поднялась и тут же рухнула на колени. Не оглядываясь на Даррелла, я сделала ещё один рывок, и на этот раз удачно. Мышцы сводило от дикой боли внизу живота, но это казалось сущим пустяком по сравнению с тем, что могло произойти, если я упущу этот шанс.

Моя обувь бесследно исчезла, поэтому прямо в носках я побежала вниз по холодным каменным ступеням, перебирая ногами так быстро, как только позволяли остатки сил. Но парень всё равно настиг меня на одном из пролётов, грубо схватив за плечо и развернув к себе. Я в ужасе взвизгнула, и Даррелл тут же брезгливо поморщился - точно так же, как морщилась Дина, когда Джулс открывала свой рот.

Запястье, которое он за эту ночь хватал бесчисленное количество раз, пронзило острой болью. Его пальцы жёстко окольцевали кожу там, где уже проступали тёмно-фиолетовые синяки. Глядя мне прямо в глаза, он перехватил мою ладонь, скользнул пальцами к кольцу с изумрудом и резко сорвал его с пальца. А после...

Сильно толкнул меня в грудь. С криком я полетела на холодный каменный пол нижнего этажа, больно ударившись копчиком и локтями. Из глаз хлынули новые слёзы, и, сжавшись в комок, я зарыдала, окончательно лишившись возможности подняться.

Тело обдало невыносимым жаром - я упала совсем рядом с огромной полыхающей бочкой, в которой сгорали окровавленные простыни. Я до последнего не верила, что всё это происходит со мной наяву. Всё должно было быть иначе...

Но в моей реальности со всех сторон сквозь решётки камер доносились чужие крики, стоны, пьяный смех и хлесткие шлепки. К горлу подкатила тошнота, мне хотелось раствориться, сбежать, но тело сковала боль.

Пламя в бочке резко всполохнуло. Рядом с огнём оказался один из Грехов - кажется, это был Чревоугодие. Он лениво лил виски прямо из бутылки на догорающую ткань. Заметив меня, беспомощно валяющуюся на полу, парень широко ухмыльнулся, допил остатки алкоголя из горлышка, швырнул пустую бутылку прямо в костёр, шутливо подмигнул мне и скрылся в темноте.

Я потеряла счёт времени и понятия не имела, сколько пролежала так на холодном каменном полу. За всё время мне удалось лишь немного отползти от полыхающей бочки и прислониться спиной к прохладной кирпичной кладке основания смотровой площадки.

Внезапно сквозь общий гул я услышала тихий плач, а затем - знакомое раздражённое шипение. Этот томный, вечно недовольный вздох я бы узнала из тысячи, и на моем лице вопреки всему случившемуся промелькнула слабая улыбка.

Из полумрака появилась Дина, бережно ведущая за собой близняшек, Еву и Аду. Белоснежные волосы девочек были

ужасно спутаны, одежда висела грязными лоскутами, а по щекам размазалась тушь. Сама Дина внешне казалась целой, но её взгляд пугал - он стал абсолютно пустым и безжизненным. Она молча опустилась рядом со мной на корточки и накинула на мои обнажённые плечи тяжёлую мужскую куртку, которая до этого висела на ней. Вещь явно не принадлежала Дине - она пахла резким дорогим мужским парфюмом.

- Встать сможешь? - тихо спросила она.

- Не уверена...

Одногруппница молча закинула мою руку себе на плечо. Свободной ладонью я изо всех сил упёрлась в прохладные камни стены, стараясь максимально облегчить Дине задачу. Кое-как, шатаясь, мы поднялись. Опираясь друг на друга, мы вместе с Евой и Адой медленно зашагали к выходу, отчаянно пытаясь игнорировать дикую смесь из криков и стонов, которая наполняла Паноптикум, эхом отражалась от стен, въеда-ясь в память и разрушая вместе с тем нашу психику.

Глава 7

Даррелл

Я достал бутылку текилы из морозилки и с треском сорвал пробку. Холодная жидкость полилась на мои разодранные костяшки. Грег понял всё без лишних слов, а вот два его недалёких друга решили, что со мной можно потягаться, - это стоило им нескольких зубов. Плохая была идея выводить меня из себя, когда я и так был на взводе из-за предстоящей ночи.

- Ай-я-яй, мне даже смотреть на это больно, - Алистер встал рядом со мной и принялся рыскать по полкам в поисках чего-то.

- Так съебись отсюда.

Друг с копной рыжих волос цокнул языком, с грохотом достал аптечку и распаковал стерильный бинт. Вы только посмотрите на его заботу, я сейчас расплачусь.

- Почему ты всё ещё тут? Кто за городом следит?

- Касс и Рид, - хмыкнул Алистер. - Ты же знаешь, им до звезды эта Жатва. Ебучие девственники.

- Ал, завали рот или сначала думай, а потом говори, - в комнату вошёл Кассиан, явно решивший разузнать, что со мной произошло. Папочке ведь обязательно нужно знать, как поживают его детишки. - «Ебучие» и «девственники» - понятия несовместимые.

- Зато фраза «не еби мне мозги» отлично с тобой сочетается, - огрызнулся Ал.

Не прошло и минуты, а от них двоих уже разболелась голова. Не знаю почему, но именно сегодня она раскалывалась на части. Таблетки пить не хотелось - от них я бы просто отрубился, и тогда весь мой план пошёл в тощую задницу Оливии.

- Я не ебу тебе мозги, - Касс подошёл к Алистеру и отвесил ему щелбан по лбу. - Я пытаюсь зачать в этой черепушке хоть каплю разума.

Алистер потянулся было к текиле, но я оказался быстрее. Поднеся горлышко к губам, я сделал несколько крупных глотков и поморщился от резкого хвойного вкуса.

- Ты серьёзно останешься здесь? - спросил я у Кассиана, когда мы остались наедине, и я коротко объяснил, откуда у меня разодранные руки.

- Город уязвим, пока все остальные веселятся, так что расслабься. Тебе помощь не нужна?

- Нет, - за этот день у меня на губах уже второй раз появилась ухмылка.

Первый был, когда Грег согласился на мой план. Я-то думал, он решит поиграть в благородного защитника, но Оливия дерьмово разбирается в людях, так что всё сложилось лучше, чем я предполагал.

Выйдя из кухни, оказался в комнате с наглухо завешенными окнами. Рид сидел перед экранами мониторов, которые

располагались на стенах в несколько рядов. Блондин молча развернул ко мне ноутбук, на котором транслировалась комната Оливии.

Она лихорадочно выбирала наряд, даже не подозревая, что от этой одежды в любом случае ничего не останется. А я просто пил и смотрел. Пил и смотрел. Пил, блять, и смотрел, потому что до сих пор не мог её трахнуть.

- Ты девственник, Рид? - спросил я, чтобы хоть как-то отвлечься от своей, как её Касс назвал, obsessions.

- Да.

Не такой ответ я ожидал услышать, поэтому так и завис с бутылкой на полпути ко рту.

- Тебя только змеи возбуждают? Так среди местных сук их предостаточно, - я кивнул на экраны, где было видно, как студентки выходят с занятий.

- Не беспокойся обо мне, Даррелл, - медленно и неестественно спокойно произнёс Рид, поворачиваясь ко мне. Он не забывал при этом гладить белоснежную змею, которая оплетала его правую руку и периодически высовывала раздвоенный язык. - Лучше подумай о своей мигрени. Ты за весь день не выпил ни одной таблетки, мучаешься от боли, даже у Алистера ничего не взял, чтобы заглушить приступ. С каких это пор из разряда садистов ты опустился до мазохистов?

Я ненавидел этого ублюдка так же сильно, как и уважал. Рид, словно бесшумный призрак, ходил повсюду и подмечал

каждую мелочь, будто выискивая, что можно позаимствовать для себя, а что нахуй вычеркнуть из жизни... Удивительно, как он вообще ужился со всеми нами. Насколько я знаю, он даже не планирует покидать этот город после учёбы - хочет и дальше оставаться в администрации. Быть наблюдательным и молчаливым подходило ему куда больше, чем открывать рот. Он абсолютно не фильтровал слова, которыми жалил порой похлеще змеи.

- Лучше закрой ебальник, Рид, пока твоя Нана не осталась без головы.

Голубые глаза Рида хищно блеснули яростью, но он промолчал и отвернулся, продолжая изучать обстановку в городе.

- Кассиан, свяжись с близнецами, у нас нарушители, - с холодным спокойствием объявил Рид примерно через полчаса, за которые я успел вылакать половину бутылки.

Самые скучные дни в городе - это когда Рид отвечает за порядок. От этого сукиного сына ни одна мелочь не ускользнёт, в то время как остальные предпочитают творческий беспорядок. Хуже бывало только тогда, когда по городу работали близнецы, - эти любили расправляться с нарушителями с особой, изощрённой жестокостью. И сегодня сошлись эти два фактора. Хуёво.

- Что там? - Касс с зажатым возле уха телефоном подошёл ближе к Риду.

Я вышел из комнаты и направился в свою спальню. Моя

смена закончилась ещё утром, и я смертельно устал от всего этого дерьма. Поставив будильник, я рухнул на постель и мгновенно отключился.

- Твою мать!

Я в ужасе смотрел на экран телефона, где на калькуляторе светились цифры «2200». Кажется, я конкретно в глаза долбил, когда пытался выставить время на будильнике. Пулей вылетев из комнаты, спустился к парням.

- Где Дамиан?

Я уже катастрофически не успевал заехать за посылкой. Ненавидел, когда всё шло наперекосяк и не по моему плану. Ладно, хорошо, что под боком была спальня Дамиана, которая изнутри выглядела лучше любого секс-шопа. Но был жирный минус - он всегда запирал её на ключ. Не то чтобы у нас было принято врываться друг к другу без стука, так делали только близнецы. Но они братья, так что им не считается.

Касс с абсолютно равнодушным видом набрал номер нашего друга. Из динамика послышалось: *«Пока ебу твою мамашу, оставь голосовое...»*

- Сука! Ладно... - я зло зачесал пальцами волосы на голове. - Кстати, как только эта ночь закончится, внесите Оливию в список шлюх.

- Нет, - отрезал Рид.

Вот за это я и не любил, когда он торчал за компьютерами. Этот толстокожий правильный ублюдок никогда не идёт наперекор правилам администрации.

- Рид, у меня и так всё летит по пизде, не лезь под горячую руку.

- Если мы начнём нарушать устав администрации, в городе начнётся хаос, Даррелл, так что я сказал «нет».

- Пожалуй, соглашусь, - вмешался «папочка» Касс, завязывая длинные волосы в высокий хвост. - Но я тут долго размышлял над этой ситуацией и кое-что придумал.

Мы с Ридом с интересом уставились на Кассиана, который коротко улыбнулся. Я бы сказал, что это вышло почти добродушно, но мы все прекрасно знали, что этот человек в принципе не был способен на тёплые чувства. Когда тебя всю жизнь пытается уничтожить собственный папаша, ты либо сам становишься законченным монстром, либо быстро сдыхаешь. Раз Кассиан стоит с нами в одной комнате, его жизненный выбор очевиден.

- До Хэллоуина мы внесём в этот список абсолютно всех девчонок. Пусть парни развлекаются безнаказанно, а позже мы просто спишем всё на системный сбой и техническую ошибку. Вряд ли кто-то вообще посмеет нам возразить.

Я же говорил: сочувствия и добродушия в Кассе ровно столько же, сколько во мне - сострадания.

- И всё это ради одной единственной девчонки? - Рид испортил мне всё удовольствие от плана.

- Нет, дело в том, что нам с Алистером и Марсом скоро нужно будет уехать из города. Вы вдвоём можете многое упустить, так что лучше мы временно ослабим хватку, что-

бы снизить статистику нарушений. А когда вернёмся, снова закрутим гайки.

- Если вернёшься, - тихо подметил Рид, и я не выдержал: сорвал с себя тяжелый ботинок и швырнул прямо в его белобрысую голову.

- Завали свой ебальник, Рид!

- Ты опаздываешь, - сухо прервал нас Кассиан, явно не горящий желанием разгрести нашу потасовку с Завистью.

Я едва успел вовремя. Тонкая, хрупкая фигура Оливии уже виднелась на подъездной дорожке возле дома. Надо же, она вытащила из гардероба свой самый приличный наряд, будто действительно собралась на свидание. Даже мило, что всё это великолепие достанется сегодня мне.

Как я и предполагал, она практически не сопротивлялась. Как бы больно я ей ни делал, сколько бы дикого страха ни источали её глаза испуганной лани, она, сука, всё равно оставалась предсказуемо послушной и податливой. В Паноптикуме толпа быстро уступила нам дорогу. Я видел чистейшую, животную похоть в глазах прибывших парней - все жаждали секса, и ни для кого не было секретом, что именно я открываю эту ночь. А вот Оливия до последнего оставалась в неведении. Словно бабочка, угодившая в плотную паутину, она начала слабо трепыхаться, но все её попытки выглядели так же жалко, как и она сама. И чем сильнее она пыталась вырваться, тем больше это распаляло мой больной интерес.

Давай же, Оливия, покажи мне весь свой страх!

Эта сука в итоге начала раздеваться сама. Я смотрел на это и не верил собственным глазам. Её пальцы, тонкие и хрупкие, словно зубочистки, с аккуратными ноготками, дрожали от паники, пока она пыталась стянуть с себя вещи. Я мысленно представлял, с каким упоительным хрустом переломал бы каждый её пальчик, но понимал: если промедлю ещё хоть немного, взвинченная толпа сорвётся, набросится на Оливию и трахнет её вместо меня, лишь бы поскорее официально началась Ночь жатвы.

Она послушно легла на живот, уткнувшись лицом в простынь. Нет, милая, так легко ты не отделаешься. Ты будешь видеть каждого ублюдка в этом зале, ты обязана во всех деталях запомнить, что я сделаю с тобой на глазах у огромной публики. Чтобы от твоего напускного целомудрия не осталось и следа. Только пепел, из которого ты хрен когда родишься.

Оливия была невыносимо узкой и горячей. Моей огромной ошибкой было воздерживаться целый месяц, потому что я почувствовал, что могу кончить почти сразу. Она сладко, пронзительно взвизгивала, и с каждым моим яростным толчком её загнанные всхлипы только приближали мой оргазм.

Толпа внизу безумствовала и ревела, а я продолжал жестоко вдавливать в Оливию. Мне искренне хотелось уничтожить её прямо в моих руках, чтобы она больше никогда в жизни не смела смотреть на меня, чтобы физически не смогла подняться с колен. Оливия была рождена для того, чтобы

стоять передо мной на коленях, прислуживать и беспрекословно подчиняться. Эта сука не заслуживала собственной воли: в её венах текла грязная кровь предателя, и раз уж я пока не могу добраться до её папаша, я найду другие изощрённые пути, чтобы уничтожить этого мерзкого урода через его отродье.

Я кончил только потому, что сдерживаться дольше было физически невозможно. Вспомнив файлы из личных дел, которые читал совсем недавно, я пришёл в такую дикую ярость, что захотел наплевать на все условности, законы и убить Оливию прямо здесь, на глазах у сотни свидетелей. Плевать, пусть лишают титула Греха, пусть сажают в тюрьму. Когда я трахал её в рот, в моей голове крутилась только одна отчётливая мысль - как же хорошо было бы прямо сейчас по-настоящему её удушить. Она не имела права на жизнь. Дочь предателя обязана была сполна расплатиться за грехи человека, давшего ей жизнь.

Ярость окончательно поглотила меня вместе со жгучей головной болью, которая напрочь дурманила мысли. Ко всему прочему присоединилось ёбаное похмелье после выпитой залпом текилы. Я грубо отпихнул Оливию от себя, только бы не воплотить задуманное убийство в жизнь прямо сейчас.

Блять, как же сильно я ненавидел её побитый взгляд и этот елеинный, приторно-сладкий голосок, которым она умоляла отпустить её!

Заткнись. Заткнись. Заткнись!

Я рывкнул, приказав ей убираться вон, а сам едва удерживался на ногах из-за адской мигрени. Острая вспышка боли пронзила правый глаз, лоб и затылок, и тут до меня дошло, что я так и не забрал у этой суки кольцо. Я нагнал её на лестнице в считанные секунды. Её руки были такими крошечными, тонкими и ледяными, будто передо мной стоял труп. Но её губы всё ещё оставались яркими, припухшими после моего члена. Они мелко подрагивали, застыв в гримасе отвратительного страха. Резко стянув кольцо, я сжал его в кулаке с такой силой, что изумруд больно впился в ладонь.

До нижнего яруса оставалось всего ничего, и Оливии явно не помешало бы немного полетать. Сегодня мне пришлось довольствоваться малым - я хотел сбросить её ещё с верхней смотровой площадки, но увы... С силой толкнув её в грудь, я молча наблюдал, как она летит вниз и плашмя падает на холодный каменный пол Паноптикума. Она разрыдалась, как обиженный ребёнок, но мне всё равно было мало этой боли.

Внезапный яркий свет от полыхающей рядом бочки ослепил меня, заставив мигрень вернуться с новой силой.

- Блять!

Я сбежал по ступеням и быстрым шагом направился к своей машине. Это была просто отвратительная ночь - мне не удалось выполнить ровным счётом ничего из намеченного плана.

Дома меня практически на пороге перехватил Касс, дотащил до спальни и уложил на кровать. В плечо уколола лёгкая

боль, больше похожая на комариный укус, - сущий пустяк по сравнению с тем адским взрывом, который сейчас происходил в моей башке.

- Спасибо... - едва слышно выдавил я Кассиану, который продолжал возиться со мной, как с маленьким ребёнком.

Он мог быть беспощадным и жестоким со всем остальным миром, но только не с теми, кто носил титул Греха. Из-за непрекращающихся вспышек боли я практически ничего не видел перед собой - сплошная темнота с рябью и размытый силуэт Касса, который укрывал меня одеялом.

- Отдыхай, Дар.

Тяжёлая дверь в мою комнату тихо закрылась, и я снова провалился в глубокий сон.

Глава 8

Оливия

В кабинете пахло лекарствами, и меня тошнило от этого запаха. И хотя я знала, что у меня под кожей имплант, который надёжно защищает от нежелательной беременности, всё равно безумно переживала. Сколько бы я той кошмарной ночью ни вымывала из себя сперму Даррелла, казалось, она просто не заканчивалась. Я отчетливо чувствовала эту липкость между ног даже после того, как несколько раз до чистоты содрала кожу в душе. Я и понятия не имела, что парни могут кончать так обильно. А может, он специально воздерживался, чтобы... *Чтобы что, Оливия?*

Я абсолютно не понимала, что происходит. Сколько бы раз я ни прокручивала ту ночь в голове, мне не удавалось найти ответ, почему Даррелл поступил со мной так жестоко. Тяжелее всего было принять не само случившееся, и даже не то, что у меня до сих пор всё внутри болело до такой степени, что теперь приходилось сидеть у гинеколога. Самым невыносимым было врать Офелии на следующее утро.

«Как всё прошло?» - в её фиолетовых глазах было столько искреннего беспокойства, что моё сердце болезненно сжималось.

Той ночью я поспала от силы час, потому что мучилась от дикой боли, и никакие таблетки не помогали. А когда про-

звенел будильник, я замазала лицо и шею огромным количеством тонального крема, чтобы никто не смог даже подумывать, что где-то на моём теле остались синюшные следы от пальцев Даррелла. В довершение всего я натянула плотную чёрную водолазку с высоким горлом, чтобы скрыть отметины на шее, локтях и запястьях.

«Всё по плану», - ответила я с фальшивой улыбкой, поспешив закрыть тему. Я знала, что сестре интересно узнать абсолютно всё, но мне жизненно необходимо было время, чтобы просто прийти в себя.

В понедельник на занятия не пришло больше половины студентов. Преподаватели, едва взглянув на наши потухшие, серые лица, молча отпустили всех по домам. К слову, не было и Дины, которая той ночью отвезла меня на машине домой.

Это была не её машина, и уж точно не её куртка висела на моих обнажённых плечах. Но ни плачущих близняшек, с которыми обошлись, кажется, с такой же звериной грубостью, как и со мной, ни меня саму этот факт тогда не волновал. Я была безмерно благодарна одногруппнице. Но она не появилась на парах ни во вторник, ни в среду...

Низ живота тянуло, а из-за резкой рези между ног на глаза то и дело наворачивались слёзы. Экстренный приём врача значительно бил по кошельку, хотя в первые дни после Жатвы кабинеты гинекологов и так были переполнены. После плановых бесплатных осмотров нам всегда давали памятки,

в которых настоятельно рекомендовали после первого полового акта прийти и сдать мазки, но лишних денег на это у меня попросту не было.

Но когда в пятницу я не смогла даже встать с кровати, то поняла: затягивать больше нельзя. Со стонами кое-как добралась до машины. Тело бросало то в жар, то в холод, а на лбу выступила ледяная испарина. Я соврала Офелии, будто подхватила тяжёлый грипп, но не была уверена, что она мне поверила. Сестра с беспокойством бегала вокруг, приносила обезболивающие, антибиотики и даже предлагала поставить мне капельницу. Хотя какие-то плюсы были от того, что мама работала в больнице, пусть и всего лишь регистратором.

- Я выписала вам рецепт на свечи, в аптеке по страховке они выйдут недорого.

Врач протянула мне исписанный листок бумажки.

- Также на месяц вам предписан полный половой покой, - женщина в очках отвернулась, утыкаясь в медицинскую карту.

Она говорила сухим, абсолютно лишённым эмоций голосом. Я была далеко не первой подобной пациенткой после Ночи Жатвы, так что она даже никак не отреагировала на синяки, которые успели окраситься на моём теле в иссиня-чёрный цвет.

- А... Если нет страховки?

Она обходилась слишком дорого, так что страховку я оформила только на сестру. Нам приходилось экономить

буквально на всём, и здоровье, особенно моё, не было исключением. Я редко болела, поэтому не видела смысла тратить деньги, которые в нашей семье никогда не были лишними.

Врач серьёзно посмотрела на меня через тонкую оправу, съехавшую на переносицу, и едва заметно качнула головой.

- Я настоятельно рекомендую вам приобрести это лекарство, если вы не хотите серьёзных проблем со здоровьем в будущем.

Кивнув, я поднялась и вышла из кабинета.

Лекарство я всё же купила, отдав за него сумму, которая изначально предназначалась Руби. Она как раз написала, что нашла для меня новую деталь, которую нужно было срочно поставить, если я не хочу намертво заглохнуть посреди дороги. Спрятав картонную упаковку в сумку, я бессильно села на лавочку, согнувшись пополам. Живот снова скрутило спазмом, а тело обдало жаром. Вместе со вспышками боли возвращались и воспоминания той ночи, из которых на меня неотрывно смотрели чёрные глаза Даррелла.

За эту неделю я столкнулась с ним в колледже лишь однажды. Абсолютно случайно.

Я стояла на парковке, блокируя двери машины, когда мимо медленно проехал чёрный Range Rover. На передних сиденьях сидели Даррелл и Кассиан, а из открытого заднего окна выглядывали огненно-рыжие волосы Алистера, который неизменно ходил хвостиком за Дамианом.

По парковке тут же прокатились девичьи шепотки. Мне казалось, что все они смотрят исключительно на меня, потому что в городе прекрасно знали, кто стал главной целью Даррелла в Ночь жатвы и кто открывал этот ритуал. Меня никогда не беспокоили слухи, если они касались только меня, ведь я знала, что всё это временно. В нашей жизни всё слишком быстро меняется, чтобы я всерьёз оставалась в ней какой-то главной героиней, но я смертельно боялась, что эти грязные сплетни дойдут до Офелии.

Я нагло соврала ей, будто моя ночь прошла с Грегом, что он был нежен и меня всё устроило. И что когда-нибудь, возможно, снова повторю с ним подобное. Но чем больше я лгала, тем паршивее становилось на душе.

Чтобы меня не заметил Даррелл или кто-то из других Грегов, я поспешно спряталась за кузов машины. Пусть бы окружающие считали меня чокнутой, но мне ни в коем случае нельзя было снова попадаться Гневу на глаза. Что-то внутри подсказывало, что ничем хорошим это для меня не закончится.

Когда Дина высадила меня возле дома той ночью, я долго стояла под каплями начавшегося мелкого, промозглого дождя, глядя в пустое небо, и меня поразила одна пугающая мысль, которая с тех пор не давала покоя. Даррелл так легко меня не отпустит. Было ощущение, будто он хотел от меня чего-то ещё, и если я где-то ошибусь или облажаюсь, он накажет меня снова. Он ведь не станет трогать меня просто так,

посреди бела дня? Для этого в городе существовала администрация, которая защищала местных жителей и следила за порядком. Они не спустят Дарреллу всё с рук, даже если он носит титул одного из Грехов.

Боль в животе немного отступила, и, держась за стену больницы, я побрела к выходу на парковку.

Но, казалось, в этот день всё складывалось против меня. Прямо посреди пустынной дороги, неподалёку от Паноптикума, под капотом раздался громкий хлопок. Машина мгновенно остановилась и больше не двигалась, хотя двигатель продолжал глухо работать.

- Чёрт, чёрт, чёрт! - я в отчаянии ударила ладонями по рулю, а после бессильно расплакалась, потому что руки тут же пронзила острая боль.

Мои локти всё ещё сильно болели, и я не знала, каким чудом вообще не сломала себе ничего после падения с той высоты. Стоя посреди пустой трассы в поле, прямо рядом со строением, которое почти разрушило мою жизнь, я отчаянно старалась не поддаваться панике. Нашла в телефоне номер Руби и тут же набрала её.

Ей до меня нужно было ехать минимум минут двадцать, к тому же она была занята с важным клиентом. По самым оптимистичным прогнозам, я застряла здесь на час. Захлопнув дверь, я вышла наружу, чтобы попытаться хотя бы немного подтолкнуть Хонду к обочине. Я была слишком слаба для таких физических нагрузок, к тому же в последние дни прак-

тически ничего не ела из-за стресса и болей, так что моё тело едва удерживало вертикальное положение. Но попытка не пытка...

Я в спешке не взяла с собой куртку, а в начале октября температура в городе резко упала. Из рта вырывался густой пар, а кисти рук мгновенно окоченели. Тем не менее, я упёрлась в багажник и попыталась качнуть Хонду, но ничего не произошло. Машина оказалась слишком тяжёлой.

В такой час по этой дороге мало кто ездил. Наше поселение было разделено на несколько секторов, соединённых между собой пустынными трассами через поля.

Сектор, в котором находился мой дом, состоял из небольших одноэтажных и двухэтажных домиков для среднего класса, маленьких магазинчиков и пунктов доставки товаров. Он располагался на севере. Если поехать по трассе на восток, то можно было попасть в совершенно другой сектор - с элитными особняками для состоятельных людей. Там же находилась центральная больница, а также особняки Грехов и административный центр. По пути туда можно было увидеть белоснежную церковь, на самой высокой башне которой были огромные круглые часы, светящиеся в темноте.

Если от моего северного сектора отправиться на запад, то там находился район с колледжем, в котором я училась.

Последний сектор, южный, был самым маленьким. В нём располагались мастерские, школы и детские сады. И именно на пустынном пролёте между восточным сектором с больни-

цей и южным сектором со школами я сейчас так глупо застряла.

В самом центре, между всеми этими четырьмя секторами, находилась зона развлечений: кинотеатр, театр, цветочные лавки, уютные кафе, а также банки и небольшие производственные точки. В этот центральный сектор я часто привозила Офелию на выходных. Там всегда было безопасно, можно было спокойно отдохнуть и на мгновение представить, что ты находишься в обычном, оживлённом городе, полном нормальных людей, а не родственников опасных преступников.

Внезапно позади меня послышался тяжёлый рокот мотора. Сердце камнем упало вниз при виде приближающегося чёрного Range Rover, за рулём которого сидел один лишь Даррелл. Он буквально прожигал меня яростным взглядом через лобовое стекло, медленно прижимаясь к обочине и глуша двигатель.

Я испуганно обернулась на поле, где возвышалось мрачное здание Паноптикума. Я могла бы побежать туда, попытаться укрыться, если в этом вообще был хоть какой-то смысл.

Я была совершенно не готова к этой новой встрече с Гневом. Я так усердно избегала его всю неделю, чтобы в итоге так нелепо попасться в ловушку прямо на трассе? Каков вообще был шанс, что мы столкнемся именно здесь, на дороге, по которой в это время суток никто не ездит?

Тяжёлая дверца внедорожника хлопнула, и я вся сжалась

от этого звука, намертво прижавшись спиной к пассажирской двери своей Хонды. Даррелл в считанные секунды оказался прямо передо мной, и я зажмурилась, словно это могло хоть как-то меня спасти. Рука парня резко дёрнула за ручку, распахивая дверь машины, к которой я испуганно липла. Я попыталась отскочить в сторону, но Гнев стальной хваткой перехватил меня за ворот водолазки и одним мощным движением впихнул внутрь салона на заднее сиденье.

- Нет, пожалуйста... - сорвалось с моих губ, но парень, игнорируя мои мольбы, уже принялся грубо стягивать с меня штаны вместе с обувью.

Я отчаянно дёрнула ногами, пытаюсь отбиться, но Даррелл намертво сжал мою голень, после чего поднял на меня тяжёлый взгляд своих чёрных глаз. В них полыхало опасное предупреждение. Я и сама прекрасно знала, что от сопротивления будет только хуже, но инстинкт требовал попытаться.

Новый резкий рывок за ногу - и я с тихим вскриком проскользила по сиденью прямо к нему, оставшись совершенно без одежды ниже пояса. Наплевав на мои тихие всхлипы, он бесцеремонно развернул меня, заставляя встать на колени и повернуться к нему спиной.

Его пальцы грубо развели мои ягодицы, и я почувствовала влагу между ног. Он шумно плюнул, а после того, как в один щелчок расстегнул ширинку брюк, прижал массивную, горячую головку члена к моему сжавшемуся мышечному колечку.

- Нет, Даррелл! Пожалуйста, нет!

Ему было абсолютно плевать на мои отчаянные просьбы. Я стояла босыми ногами на ледяном, грязном асфальте через распахнутую дверь машины, пока он жестоко брал меня сзади, мёртвой хваткой удерживая за талию. Его пальцы так сильно впивались в мою кожу, что казалось, они безжалостно залезают прямо под рёбра. Недавняя резь внутри мгновенно сменилась такой чудовищной, тупой болью, что я громко закричала, но Гнев лишь безжалостно ускорил темп.

Я отчетливо слышала, как он хрипло стонал от извращённого удовольствия, чувствовала, как его пальцы до боли впиваются в мои волосы, задирая голову. Он заставлял меня через стекло машины смотреть на Паноптикум, в котором начался весь этот кошмар.

Он продолжал нещадно вколачиваться в меня, пока я задыхалась от криков и слёз, превращая очередной день моей жизни в кромешный ад.

Судя по характерному шуршанию шин, мимо нас по трассе проехала какая-то машина. И хотя водитель и пассажиры вряд ли могли в деталях разглядеть, кто именно находился в салоне Хонды, так как широкая спина Даррелла надёжно закрывала меня от обзора, они точно понимали, что здесь происходит. Но никто не остановился.

Ни один человек в этом проклятом городе не посмеет помешать Греху творить то, что он хочет. На это способна только администрация.

Я впиалась ободранными ногтями, которые даже не успели отрасти за эти пять дней, в плотную тканевую обивку сидений, пытаясь заглушить страдания.

Из глаз градом катились слёзы, а губы были искусаны до крови. Металлический и солоноватый привкус во рту стал в этот момент наименьшей из моих проблем.

Наконец Даррелл резко вышел из меня, и внизу живота тут же зародилась новая, вспышка боли, а по разгоряченной коже ягодиц прошёлся ледяной октябрьский ветер. Я судорожно всхлипывала и икала одновременно от начавшейся истерики. Но Гнев ещё не закончил: он грубо перевернул меня на спину и широко развёл мои ноги, фиксируя их руками, после чего без какого-либо предупреждения снова жестко вошёл в задницу.

Нависнув надо мной, он пристально заглянул мне в лицо. Я видела своё жалкое, заплаканное отражение в его непроницаемых чёрных глазах. Но самое жуткое было в том, что Даррелл вовсе не выглядел как человек, получающий от процесса удовольствие. Я думала, он будет злорадствовать или улыбаться. Но его лицо оставалось абсолютно неподвижным, каменным, словно он выполнял какую-то механическую, обязательную и крайне неприятную работу.

Спустя мучительно долгие минуты его веки прикрылись, глаза на мгновение закатились, и, тихо рыкнув, он замер. Я физически почувствовала, как он изливается глубоко в меня, как его сперма снова до краёв наполняет моё измученное

тело. Медленно выйдя, он неторопливо спрятал член в штаны и отошёл от машины на шаг, продолжая молча смотреть на меня и на то, как его семя пачкает мои бёдра.

Будь он проклят со всем своим извращённым возбуждением.

Спустя какое-то время он молча развернулся и пошёл к своему внедорожнику. Я бессильно рухнула на сиденье, пытаясь сделать хотя бы один нормальный вдох и прийти в себя. Всё тело дрожало от новой порции боли и пережитого шока. Оно было больше не в состоянии нормально функционировать. Мне не хватало сил даже на то, чтобы просто натянуть на себя одежду или хотя бы закрыть распахнутую дверцу машины, чтобы немного согреться.

Я неподвижно лежала на заднем сиденье, чувствовала, как из меня вытекает чужой оргазм, и отрешённо смотрела в серый потолок машины, прислушиваясь к бешеному стуку собственного сердца.

Я всё ещё была жива...

Прикрыв веки, я попыталась выровнять рваное дыхание. Пальцами стёрла дорожки слёз со щёк, чтобы ледяной воздух не обдувал влажную кожу и больше не колол её мелкими иглами.

Вдруг снаружи послышался странный, тяжёлый металлический скрежет. Кое-как привстав на локтях с бешено колотящимся сердцем, я с удивлением заметила, что Даррелл перегнал свой Range Rover вперёд, заблокировав мою машину.

Сам же Гнев в этот момент спокойно зацеплял массивный крюк буксировочного троса за передний бампер моей Хонды, после чего натянул его к задней части своего автомобиля.

Преодолевая боль, я вскочила с сидений и дрожащими руками принялась наспех натягивать свои расклешенные джинсы. И когда я уже лихорадочно обувала кроссовки, Даррелл с грохотом захлопнул дверь своего внедорожника и сел за руль. Я перебралась на водительское сиденье в самый последний момент, захлопывая дверцу буквально на ходу, когда наши машины уже тронулись с места.

Даррелл на буксире привёз меня напрямик к автомастерской Руби - как раз к той самой ремонтной яме, где она обычно возилась с моей многострадальной машиной. Подруга, оторвавшись от каких-то разъяснений очередным клиентам, в немом шоке уставилась на то, как парень спокойно вышел из своего чёрного внедорожника, отцепил трос, небрежно закинул его в багажник и тут же уехал. И на всё про всё у него ушло меньше двух минут...

Я искренне надеялась, что Руби не станет прямо сейчас задавать лишних вопросов, потому что никаких ответов у меня для неё не было.

Глава 9

Оливия

- Твою мать, Лив, какого хрена сюда Гнев появился?

Отстегнув ремень безопасности, я попыталась вылезти из машины, но ноги тут же свела судорога, а низ живота пронзила острая, режущая боль.

- Я... Я не знаю... Прости меня, Руби.

- Послушай, в прошлый раз, когда кому-то из Грехов не понравилась работа Дэна, они разнесли его мастерскую к чертям... Лив?

Подруга испуганно присела на корточки рядом со мной и аккуратно отодвинула пряди моих растрёпанных волос.

- Иисусе, Лив, что с тобой?.. - в её обычно резком голосе сейчас было столько искренней теплоты и заботы, что я окончательно расклеилась.

Я плакала навзрыд, так громко, будто вокруг никого не было. Вся накопившаяся боль выходила наружу вместе со всхлипами и слезами, хотя каких-то пятнадцать минут назад мне наивно казалось, что я выплакала всё до капли, оставив на заднем сиденье, и наконец-то успокоилась. Живот скручивало спазмами, я сильнее обхватывала руками собственное тело, которое была мелкая, непрекращающаяся дрожь.

- Так, Лив, соберись...

Руби крепко обняла меня и помогла выбраться из сало-

на. Скрючившись от боли, я побрела за ней вглубь гаража. На нас с любопытством поглядывали не уехавшие клиенты Руби, но, как я уже и говорила, посторонние зрители сейчас волновали меня меньше всего - точно так же, как и в Ночь жатвы.

Меня усадили в глубокое мягкое кресло, которое насквозь пахло машинным маслом, но было бережно застелено бордовым пушистым пледом. Руби быстро сняла свою куртку и накинула её на мои дрожащие плечи, заставив просунуть руки в рукава.

- Подожди секундочку, - она отошла буквально на мгновение.

Достав из шкафа серебристый термос, она налила в крышку что-то горячее, от чего во все стороны повалил густой пар. Когда чашка оказалась в моих ладонях, я уловила сладкий ягодный аромат. Я прекрасно знала этот запах - это был самый дешёвый чай из супермаркета, который покупали и мы с Офелией, но сейчас он казался невероятно вкусным и ароматным.

Руби оставила меня в покое на какое-то время: она быстро рассчитала и отпустила клиентов, позвала остальных ремонтников, чтобы те помогли затолкать мою Хонду в смотровую яму, а затем сама принялась за работу. Её тёмные глаза то и дело с беспокойством косились в мою сторону.

Постепенно руки перестали дрожать, всхлипы прекратились и, вытерев нос ладонью, послушно допила горячий чай.

В нём не было ничего особенного, но тепло разлилось по телу, и мне действительно становилось легче.

- Всё, я закончила с твоей малышкой.

Руби осталась в одной майке без рукавов, и мне стало физически не по себе при взгляде на её худощавое, покрытое мурашками от холода тело. Я поспешно сняла куртку и вернула её хозяйке, а сама поплотнее закуталась в плед. Как оказалось, он скрывал огромные дыры на протёртом сиденье кресла, но это была такая несущественная мелочь...

- Большое спасибо, Руби. Извини, я завезу деньги чуть позже. Вся наличка ушла на лекарства...

- Ты всегда можешь расплатиться кредиткой, - девушка тепло улыбнулась, и я заметила, какими обветренными и потрескавшимися были её губы.

- Нет, не буду.

За её работу я всегда платила исключительно наличными, чтобы она могла пропустить эти деньги мимо кассы и положить себе в карман. Чистый заработок мастерской уходил на погашение огромных медицинских счетов, а на этот грязный нал Руби могла хотя бы нормально существовать.

- Расскажешь? Или... - она предупреждающе подняла руки вверх. - Только скажи, что это не моё дело, и я не стану лезть.

- Прости, что из-за меня здесь появился Гнев. Я знаю, как сильно ты ненавидишь Грехов. Наверно больше всех в этом городе.

Пока одни жители едва выкарабкивались из нищеты и лап голода, другие упивались абсолютной властью и безграничными деньгами. Для Руби такие, как Грехи, были злейшими врагами. Никто из них понятия не имел, что значит замарать руки работой. Они пачкали их разве что в крови девиц или тех, кого забавы ради решили избить, или в соках чужих кисок, в которые вторгались без спроса.

- В Ночь Жатвы я договорилась проверить всё со знакомым, чтобы избежать неприятных сюрпризов, но вместо него на пороге моего дома возник Даррелл. Он поймел меня в центре Паноптикума у всех на глазах, скинул с лестницы, а теперь... Сегодня машина заглохла, и на трассе вдруг снова появился он... Взял меня силой, но, знаешь, в... в другое место...

Я стыдливо опустила глаза, чувствуя, как щёки полыхнули румянцем. За секунду до этого я успела заметить, как резко посуровел взгляд Руби.

- А потом он притащил мою машину сюда на буксире, а дальше ты уже всё видела сама.

- Выглядит так, будто он тебя пасёт.

- Даже если и так, мне могла бы помочь только администрация. Но станут ли они трогать личного помощника Гнева?

Руби налила себе еще немного чая из термоса, сделала глоток и протянула крышку мне. Я снова обхватила её пальцами, согреваясь.

- Он был сильно груб с тобой?

- Я ведь только пару часов назад вышла от врача, у меня и так всё внутри болело. Гинеколог назначила свечи, взяла мазки. Надеюсь, он хотя бы ничем меня не заразил.

- Это вряд ли, - вдруг невесело рассмеялась девушка. - Они ведь трахают всё, что движется. Я каждую Ночь жатвы молюсь, чтобы кто-нибудь наградил их такой хворью, от которой их пенисы скукожились бы и отвалились к чертям. Прикинь, какими бы они злыми и понурыми тогда ходили? «О нет, как же я теперь без своего волшебного члена и яиц?!» - Руби картинно схватила за голову, покачала ею и смешно округлила рот.

Я невольно рассмеялась, чуть не расплескав чай. Она действительно умела моментально поднимать настроение, когда этого хотела.

- Тебя тоже в своё время взял кто-то из Грехов?

- Нет, - она как-то печально и горько улыбнулась. - Всё гораздо прозаичнее. Меня взяли ещё задолго до Ночи жатвы, так что я автоматически попала в местный официальный список шлюх. Но кто захочет трахать такую замарашку, как я, а? - она задорно подмигнула мне.

- Ты очень красивая, Руби, - искренне попыталась поддержать знакомую я.

А могла ли я вообще называть её просто знакомой, когда она так терпеливо выслушивала меня и помогала? Пожалуй, мне уже давно пора было признать Руби своей единствен-

ной настоящей подругой. Но я панически боялась делать это, словно в нашем проклятом городе мгновенно пропадало всё, что становилось тебе дорого. Как будто местным жителям было строго-настрого запрещено испытывать счастье и радоваться жизни.

- Даже если и так, то напомним: почти каждый божий день я провожу здесь, по локоть в машинном масле и мазуте. По ночам принимаю и раскладываю тяжелые товары на пунктах выдачи, по утрам отрубаюсь на занятиях в колледже - и так уже который год подряд... - девушка заметно поникла. - А когда становится совсем невыносимо, я иду в больницу, смотрю на маму и снова возвращаюсь к работе. В надежде, что когда-нибудь ей всё-таки удастся выкарабкаться, и к этому моменту я просто обязана заработать нам на нормальную жизнь.

- Руби... - я крепко переплела наши пальцы, несмотря на то, что её руки были испачканы в чём-то чёрном и маслянистом. - Я так сильно хочу тебе помочь, но совершенно не представляю чем.

- Ты, пожалуй, единственный человек в этом городе, кто общается со мной дольше десяти секунд. Так что просто живи, Лив. Что бы там ни вытворял этот Даррелл, не позволяй ему себя сломать.

Это была сложная просьба, но я была обязана её выполнить - даже не столько ради самой себя или Руби, сколько ради Офелии...

- Представляешь, вчера кто-то заказал настоящую живую белую гадюку... Вот же конченые люди здесь живут. Я чуть стеклянный террариум из рук не выронила от страха, когда её выгружала. У неё такие жуткие голубые глаза и длинный язык...

Девушка забавно высунула кончик языка, имитируя движения рептилии.

Она часто делилась со мной историями о том, какие странные вещи заказывают люди в нашем городе. Больше всего её, конечно же, веселили секс-товары для взрослых. И Руби была свято уверена, что львиную долю из них заказывал лично Дамиан, он же Похоть. Исходя из её рассказов, мне и самой порой казалось, что где-то в городе под руководством этого Греха процветает огромный подпольный секс-шоп.

Мы посидели вместе ещё немного, и когда к Руби навёдался очередной клиент, я поняла, что мне пора уходить. У этой девчонки каждая минута была на вес золота.

- Лив, - окликнула она меня в самый последний момент и вдруг... покраснела?

Я изумлённо смотрела, как её тёмные глаза сверкают от смущения.

- Это, конечно, вредный совет, но... это может принести облегчение. Тебе просто нужно получше изучить собственное тело. И если получится расслабиться... Блин, что за чушь я несу...

- Нет, продолжай, пожалуйста, - я подошла к ней ближе, аккуратно взяв за руку. - У меня в этом абсолютно нет опыта, и поговорить на такие темы мне больше не с кем. Так что если ты что-то знаешь...

- В общем, изучи своё тело пальцами... ну, там. Посмотри порно, попробуй возбудиться, и ты сама поймёшь, что именно тебе нравится. Можешь даже использовать какие-нибудь игрушки...

- Я же не Дамиан, Руби, у меня на это просто нет денег...

- Можно использовать то, что под рукой. Например... у тебя есть электрическая зубная щётка? - я кивнула. - Или струя душа... Да много всего есть, посмотри в интернете. Иногда это приносит невероятное удовольствие, просто взрыв мозга. На самом деле далеко не все парни умеют доводить девушку до оргазма. Большинству из них плевать на твои чувства, так что нужно учиться достигать этого самой.

Из-за всего пережитого ужаса я даже близко не задумывалась о подобных вещах. Мне вообще не хотелось вспоминать о сексе. Казалось, если я включу порно, то воспоминания мгновенно швырнут меня обратно в Паноптикум, в ту кошмарную ночь или в сегодняшний день на трассе... Может быть, когда всё внутри наконец-то заживёт - если Даррелл вообще позволит этому случиться, - я действительно попробую что-то подобное.

- Спасибо тебе, Руби, - я притянула девушку к себе и крепко обняла. - Спасибо за всё, что ты сегодня для меня сделала.

Она жутко засмушалась и неловко потопталась с ноги на ногу, когда я отстранилась и тепло ей улыбнулась.

Несмотря на все те дерьмовые вещи, что происходили в этом городе, я упрямо продолжала находить здесь что-то хорошее и искренне надеялась, что так будет и дальше. Но в глубине груди уже прорастало липкое, душное семя сомнения: а позволит ли Даррелл мне вообще познать хоть что-то хорошее в этой жизни? И самым страшным было то, что я понятия не имела, почему вся эта жестокость происходит именно между нами.

Глава 10

Даррелл

«Сильные обезболивающие»

«Дешёвые аналоги сильных обезболивающих»

«Как снять боль в животе в домашних условиях»

Запросы Оливии сменялись один за другим в браузере. Я наблюдал через экраны, как она лежала в своей комнате, скрючившись на кровати. Мои пальцы постукивали по барабанной поверхности стола, за которым сидел и Дамиан.

- Почему её ещё никто не трахнул? Почему этого не сделал даже ты?

Друг качнул головой, из-за чего серёжки в его ухе качнулись. На некоторых из них висели крестики, что было весьма забавно, учитывая, что Дамиан класть хотел на веру и всё, что к ней относится. Блять, ну он был олицетворением одного из Грехов, какой ёбанный крестик?

Дамиан тихо рассмеялся, посмотрев на мои экраны.

- Потому что они не хотят, чтобы ты отрезал им член. Я не исключение. Хочешь подставить меня и лишиться единственной радости в этом ебучем городишке?

Прошло две недели с того момента, как прошла Ночь Жатвы. Всюду в городе так и веяло сексом, большинство девушек уже расслабилось и научилось получать удовольствие. Я не ждал этого от Оливии, я хотел, чтобы она дальше мучи-

лась, чтобы её кто-то взял и продолжил моё дело. Но эта слабачка так развалилась, что не вставала с кровати всю неделю.

Когда я просыпался посреди ночи и долго не мог уснуть, её метания в агонии от боли по подушке и постели были моим лучшим снотворным. Меня посещала пару раз мысль наведаться к ней. Она не спала нормально все эти дни, так что я бы наверняка показался ей галлюцинацией.

Я не смог сдержать улыбку, и Дамиан её подхватил. Каждый в этом доме знал, какие у меня планы на Оливию Блейк.

- Сделай это, покажи, что к ней зелёный свет для остальных.

Друг качнулся на стуле и встал, расхаживая по комнате. На одном из мониторов кто-то вломился в дом с близняшками. Я знал Аду и Еву, я знал всех одноклассниц Оливии, и не только их. Те, с кем она когда-либо контактировала, были под моим надзором. У меня было достаточно времени всё изучить и выстроить свой план.

В любой другой день администрация непременно занялась этим нарушением, но весь октябрь девушкам предстояли голодные игры. А всё из-за Оливии, которая решила, кажется, сдохнуть без моего разрешения. О какой жалости и снисхождении к ней могла идти речь, когда она мне в очередной раз все планы испоганила?

- В мои предпочтения многое входит, Дар, но некрофилия - не одно из них, извиняй.

- Она ещё жива! - рявкнул я.

- Да, но надолго ли? Ты посмотри на неё...

На камеры в доме Блейков я не поскупился. Отличное качество и сочная картинка. Но из-за серости и мрака в комнате Оливии казалось, что всё чёрно-белых тонах, как и сама девчонка.

Её кожа напоминала мел, губы, которые почти слились с кожей лица, изгибались от боли. Сама она то вставала, то ложилась на кровать, а иногда подсакивала и падала коленями на пол, рыгая в ведро. Очевидно, у неё не было сил дойти до унитаза.

Не знаю, о чём говорил Дамиан, как по мне, она ещё была вполне себе живой. Она же меня всё ещё раздражала, а это было возможно только в одном случае - если Оливия Блейк дышит. И вот её агония снова стала клонить меня в сон. Я попросил Дамиана проследить и за моей частью города, а сам лёг на диван, прикрыв глаза.

Передо мной всё ещё всплывало испуганное лицо Оливии, когда она падала с лестницы. Мне казалось это сладким сном, который прекратился так же неожиданно, как и начался.

- Извини, что разбудил, но подумал, ты захочешь на это посмотреть.

Офелия стояла на коленях перед кроватью сестры, держала её за руку и плакала, что-то неразборчиво бормоча в слезах. Сама же Оливия лежала почти неподвижно. Сперва мне показалось, что она умерла, но если присмотреться, то

её грудь часто двигалась, словно её дыхание стало поверхностным.

- Ох, блять!

Запустил пальцы в волосы. У меня было несколько вариантов: рвануть к ней и воочию наслаждаться тем, что она подыхает (Офелия и на дюйм не сможет меня сдвинуть, даже если захочет), или что-то предпринять, чтобы растянуть своё удовольствие и дальше ломать эту девчонку. Будет слишком скучно просто ждать взросления Офелии, и какой прок её насиловать, если Оливия этого не увидит?

- 911, что у Вас случилось?

Оливия мать её Блейк у меня случилась, но оператору я сказал совершенно иное. Я знал, почему Офелия не вызывала врачей и какую-либо помощь - у её сестры не было страховки. Они не смогут покрыть счёт за услугу, которая выйдет ещё больше, чем могла бы. Оливия была тупой, девчонка могла догадаться, что как только я появился в её жизни, ей следовало перестраховать каждый ебучий сантиметр собственного тела. Да, это бы не помогло, но, по крайней мере, она бы не сдохла от голода, который непременно наступит, потому что благодаря моей помощи она всё же попадёт в больницу...

Всю следующую неделю я был невероятно зол. Оливия была под наблюдением врачей, к ней было невозможно обратиться в палату остальным парням, а я не хотел в этом участвовать какое-то время. Мой следующий пункт в плане

гласил: «посмотреть, как трахают Оливию Блейк». Я не должен был оставаться у неё единственным, а время, за которое я мог проверить эту схему, заканчивалось.

Преимущество Оливии было в том, что я её поимел в ночь Жатвы. По правилам администрации её не имеют права трогать теперь без спроса, такие девушки становятся неприкосновенными и не попадают в список шлюх, исключением стал этот месяц. Кассиан расщедрился для меня, а я всё просрал, потому что не подрассчитал, что Оливия не выдержит всего. И если так продолжится дальше, если она не успеет выйти из больницы в город до конца октября, я стану единственным, кто трахал Оливию Блейк. Это недопустимо. Я же знаю, что после всего пережитого ею пиздеца она ещё не скоро решит с кем-то попробовать секс.

Я в жопе, как ни крути.

Первым вернулся в город Марс. Я застал его на кухне за чашкой кофе и батончиком мюсли.

- Как всё прошло?

Парень, оправдывая олицетворение Лени, медленно ко мне повернулся и только кивнул. Из него всё клещами надо было вытягивать. Хрена с два он просто так расскажет всё.

- Касс не вернулся?

- Мы разделились. Его позвали на закрытое заседание в правительстве, после мы не виделись.

- Алистер?

- Тоже куда-то ушёл, я не спрашивал.

Можно было ненароком подумать, что Марс - один из самых бесполезных людей в этом городе. Для них да, но не для правительства и тем более не для администрации. Он не выполнял лишнего. Первое время он казался мне амёбным, бесхребетным и тупым, пока я не проснулся с ножом у горла в своей постели. Если бы вы знали меня чуточку лучше, то поняли бы масштаб пиздеца. Я сплю слишком чутко, и ко мне невозможно подобраться, когда я уязвим. Потому что мне недоступно такое понятие, как уязвимость.

Я оставил Марса, взял сэндвич из холодильника и ушёл к себе в комнату. В приложении тоже не виднелась активность Касса. Все Грехи ладили между собой, у нас не было права ругаться или недолюбливать друг друга, но у каждого был лучший друг среди прочих, кроме Марса. Иногда мне казалось, что они находят между собой с Ридом общий язык лучше, чем с остальными, но после оба отстраняются и замыкаются в себе. Полагаю, Марс слишком ленив, чтобы заводить себе лучших друзей. А во мне энергии было хоть отбавляй, а ещё существовал в моей жизни папочка Кассиан, которого я обожал.

Он был моим братом, пусть и не по крови, он всегда меня поддерживал, какую бы хуйню я ни хотел сотворить в прошлом. И пока другие кричали, какой я долбоёб, Касс уже придумывал, как осуществить мою задумку. Но чем старше мы оба становились, тем больше в нас было ответственности, только мне всё равно до лучшего друга было как пешком до

луны. И хоть среди Грехов не было секретов, потому что они разрушили бы наше взаимодействие, между мной и Кассом было эмоциональное понимание.

Я знал, как и остальные, что отец Касса - самовлюблённый уёбок, который желал единоличной власти. Но так уж сложилось, что у него случайно родился сын, причём достаточно мозговитый - это рушило все планы мужика, что собирался пробиться в теневое правительство. Касс стал многое понимать, и ещё о большем подозревать, что, естественно, не нравилось его папаше. А я... Моя задача была проста: быть первым, кто подставит Кассу плечо, достать его из преисподней, если папаша решит его там запереть, потому что мой друг был слишком живучим, чтобы умирать, достать и вернуть на землю к бранным обитателям.

Закрытый город полностью защищал Кассиана от отца, его влияния, тут бы его никто не убил. Но его отец добился того, чтобы друга вызывали в правительство, а за чертой этого города друг уязвим, его можно прикончить. А я ничем не смогу помочь, потому что, если с Кассом что-то случится, я следующий в Грехах по старшинству, и мне разгребать всё дерьмо и назначать преемника Гордыни.

Алистер вернулся вторым. Без повреждений и царапинок, а ещё с огромными пакетами таблеток и порошков.

- Я жду не дождусь Хэллоуин, это будет жаркая ночь.

Мы смотрели на разноцветную пыль, что разлетится по городу быстрее, чем ветер. Алистер тоже был без понятия,

где Касс. Это меня нервировало только больше. Я начинал сходить с ума без своего лучшего друга, и чем больше по всему этому загонялся, тем сильнее начинала болеть голова.

И в один из дней я проснулся уже со знакомой тошнотой и рябью в глазах. Боль короткими импульсами отдавала в глаза, периодически ослепляя. Так что я должен был быть первым, кто попробовал порошок Алистера.

- Не смей, Дар... Держите его, ребята... - скомандовал Рид, глядя, как я приближаюсь к столу с наркотой.

- Не смей мне, блять, указывать, что делать, а что нет!

Я сорвался. Пульсирующая боль разливалась ото лба к вискам и затылку, вместе с этим ослепляла и ярость, которая накрывала меня из-за того, что другие Грехи сплотились против меня. Последний, кого я увидел после того, как близнецы схватили меня за руки и заломали их, был Марс. Ну конечно же, ебучий Марс, что подкрадывался исподтишка...

Через пару дней боль отпустила. Злость прошла, дышать стало намного легче. Я спустился к ребятам, которые почти в полном составе сидели в рабочей комнате и обсуждали предстоящий уикенд в городе.

Дамиан протянул мне свою кружку с кофе, я хлопнул его по плечу и коротко улыбнулся, забрав свой предполагаемый завтрак. После приступа мигрени не хотелось есть какое-то время.

- Извините, что вёл себя как идиот.

- Порядок, - близнецы сидели на диване, уворачиваясь от

Наны, змеи Рида.

У них были странные развлечения, но не мне говорить о странностях. В администрации адекватным было не место.

- Тут тебе кое-что подготовил, - Дамиан протянул телефон с записками, и я принялся их читать.

Каждая новость была лучше другой. Оливия собиралась на Хэллоуин, потому что её заставила туда приведёт Дина по просьбе одного из наших. Значит, она уже вышла из больницы. Хотя что-то хорошее произошло за то время, пока я валялся в полубомбочном состоянии.

- Ты сделаешь для меня то, о чём я просил?

- Я тут подумал, - Дамиан широко улыбнулся. - Есть план получше, в твоём стиле. Туда собирается Грег со своими друзьями, которые тебе не нравятся, и ты обещал всем троим развлечение за то, что они оставят Лив в ночь Жатвы.

Я сейчас в любви этому блуднику признаюсь. Серьёзно. Это было лучшее, что я мог только услышать за сегодня помимо новостей о Кассиане. Но о нём до сих пор ничего не было слышно, и на связь он не выходил.

Меня качало на эмоциональных горках, я хотел насладиться шоу в эти выходные, но не мог сделать это в полной мере из-за беспокойства за лучшего друга. Блять, Касс, ну как ты так меня обломать решил?

Если он решил сдохнуть, клянусь, я его достану и сам убую.

- Спасибо, Дамиан, и вам, ребята.

Друзья усмехнулись, а после вернулись к своим обязанностям. Дело было в том, что с мигренью порошки Алистера никогда не стоило мешать. Меня откачивали несколько недель после того, как я случайно дорвался, после этого Алистер нашёл мне препараты, которые помогают. Недостатки тоже имелись: я становился овощем на какое-то время. Ебучая мигрень. Её я ненавидел так же, как и суку Оливию. Но мне нравился тот факт, что две ненавистные мне вещи заглушали друг друга. Эти выходные предвещали мне охуенное настроение и самочувствие, потому что я снова уничтожу Оливию Блейк.

Глава 11

Оливия

Я оказалась в Аду. В нём было жарко и душно, и абсолютно не было возможности дышать. А ещё всюду было темно, и я не понимала, как из всего этого выбраться. Мой живот и внутренности резали ножом, между ног всё горело, а во рту постоянно была сухость.

Кажется, меня много раз рвало. Я слышала тонкий голос Офелии, но ничего не могла ей толком ответить, потому что губы слиплись. Ещё для этого нужно было приложить огромное количество усилий, которых у меня не было. И даже в этой агонии я понимала, что это было дело рук Даррелла. Даже если он ничем меня не заразил, в его теле было столько ненависти, что она проникла в меня через его сперму. А теперь та самая ненависть разрушала меня изнутри...

Холодно... Мне вдруг стало настолько холодно, что тело охватила дрожь.

- Лив, давай я вызову врачей. Пожалуйста, тебе нужно в больницу!

Голос Офелии срывался. Мне хотелось её успокоить, погладить по голове, хотя бы заглянуть в её глаза, но я ничего не могла сделать.

- Нет... - только и прошептала. - Денег... Нет...

И страховки, и возможности... Мне нельзя было болеть,

и уж тем более позволять тратить на себя накопления. Иначе я не выберусь отсюда, из этого города, и продолжу гореть в Аду, пока Даррелл будет смотреть на это своими непроницаемыми чёрными глазами и радоваться. Да-да, радоваться. Меня не обмануть. Он мог не улыбаться, никак на лице не показывал свои эмоции, но нормальный человек не стал бы делать с девушкой подобное. Гнев не был нормальным, никто из Грехов им не был...

Лёгкие жгло, будто я не дышала долгое время. Я падала с лестницы, тело обдувал жар от огромной бочки, в которой сожгли простынь с моей кровью. Я снова и снова возвращалась в тот кошмар, оказывалась на краю смотровой платформы - и падала с неё. Даррелл спихивал меня, не прогонял и не давал шанса на спасение. Он не держался за голову, он пинал меня ногами, а потом громко смеялся. Уродливо и счастливо.

Пик... Пик... Пик...

В моём Аду появились звуки. Немного странные, ритмичные, но это было хоть что-то. Всяко лучше моего собственного крика, который так и не вырвался из горла, а оставался в воспоминаниях.

Пик... Пик... Пик...

Я раскрыла веки. Холодный белый свет ударил прямо в глаза. Я зажмурилась, пытаюсь понять, где вообще нахожусь.

Больница. Это была чёртова больничная палата, а я лежала в ней под капельницей с наклейками на груди для изме-

рения жизненно важных показателей. На экране зелёной линией вырисовывался мой сердечный ритм. Всё вокруг было таким светлым, что мне казалось, я прямиком из преисподней поднялась на небеса. Но я слишком хорошо знала это место, чтобы случайно принять его за Рай. А ещё у меня ломило всё тело из-за длительного лежания в одной позе.

Дверца в палату отъехала - и ко мне зашла Офелия. В её руках были жестянки содовой, но, заметив то, что я уже сижу, оперевшись на подушки и приподняв изголовье кровати, она бросила их и полетела ко мне с объятиями.

- Лив! Ты жива!

Кажется, ненадолго. Офелия так крепко сжимала мою шею, что я не могла вдохнуть. Она плакала, и так громко, что я не сдержалась - и тоже пустила слезу. Плевать, что придёт огромный счёт за лечение, мне нельзя было оставлять сестрёнку одну.

- Прости меня, - прошептала ей на ухо, прижимаясь к её серебристым волосам.

- Нет, это ты прости. Это я должна была вызвать врачей, а я боялась. Ты просила этого не делать - и я тебя слушалась!

Я отстранилась от Офелии и вытерла с её щёк влагу. Когда она плакала, её веки и кончик носа становились до смешного красными, а радужки приобретали глубокий фиалковый оттенок.

- А как тогда я здесь оказалась?

- Парамедики пришли в наш дом и забрали тебя, говоря,

что дома тебя не подлечить. Но я их не вызывала, мама тоже, она была на работе.

По моей коже прошёлся мороз. Мои руки лихорадочно стали искать под кофточкой сестры её цепочку с кольцом. И глядя на ободок с камушком, я облегчённо выдохнула.

- Тебя никто не трогал? - спросила, когда уже в руках зажимала покрасневшие щёки Офелии. - Никто не угрожал? Не обижал и не бил?

- Нет... Оливия, всё хорошо. Почему ты это вообще спрашиваешь?

Чтобы избежать вопроса, я её снова прижала к своей груди, вдыхая запах нашего домашнего мыла. Как ни странно, я скучала по дому и хотела там быстрее оказаться. И пусть я знала, что в больнице меня вряд ли кто тронет, но в своей комнате чувствовала бы себя лучше, чем в стерильной палате...

Вечером того же дня меня навестила и мама. Она принесла кое-что из одежды и еды, а ещё укорила меня за то, что не слежу за здоровьем. Я и без её нотаций знала, что счёт нам выставят огромный и ни у кого из нас нет ресурсов его покрыть сразу же.

Я пропустила почти месяц занятий в колледже, мне придётся быстро нагонять материал, так что нельзя было даже задумываться о какой-то подработке. Но... Я совершенно не знала, что мне делать. И когда ночью осталась наедине с собой, то тихо расплакалась в надежде, что следующий день

обязательно станет лучше. Даже если я себя обманывала, мне искренне хотелось верить во что-то хорошее. Дать себе возможность помечтать и прийти в себя. Потому что дома меня будет ждать младшая сестра, которая даже не догадывалась, что сам Гнев следовал за мной по пятам, и вряд ли так просто отпустит.

Я вернулась в колледж, как только начала нормально ходить. И пусть предстояли выходные, мне следовало узнать, что придётся на них разгребать, как многое прошло мимо меня.

Оказывается, случившееся сыграло мне на руку. Не уверена, что пережитый мною Ад был чем-то хорошим, но оказалось, что весь месяц в городе творилось тотальное безумие, которое не прекращалось со дня жатвы. Администрация полностью прекратила защиту девушек - и очень многие попали под раздачу. Кто-то в открытую восхищался, как приятно было заниматься сексом, кто-то не посещал занятия, боясь выйти из дома, я же толком не понимала, каким образом оказалась в центре подобного безумия..

Дина, сидевшая рядом со мной, выводила на страничке тетрадки какие-то узоры. Джулс не было в колледже, так что знакомая должна была быть в хорошем расположении духа, но нет... Я не спрашивала, что случилось с ней в Ночь Жатвы, но я не была слепой: что-то в ней изменилось.

Всю мрачную атмосферу разбавлял хохот Марса, что сидел в окружении ребят, которые заглядывали одноклассни-

ку в рот. Марсель не вызывал у меня негативных эмоций, но как будто он был непозволительно радостным для всего происходящего вокруг. Впрочем, о чём это я, он же был парнем, его подобные заботы не касались.

- Как думаешь, скоро это закончится? - как-то в сердцах прошептала я, уронив голову на стол.

- После этих выходных, - на удивление ответила мне Дина.
- Администрация налагала со списками шлюх, сказали, всё придёт в норму с ноября.

- Все девушки жили в страхе весь этот месяц, а чем занималась администрация?

Дина улыбнулась лишь краешком губ.

- Трахалась с кем-то, следила за городом по камерам, снова трахалась...

- Насыщенные будни, ничего не скажешь.

Близняшек тоже не было. Если бы Ева и Ада сидели рядом, я бы попыталась обсудить Ночь Жатвы. Кроме Руби мне не с кем было всё обсудить, а я уставала перед Офелией делать вид, что всё в порядке.

- Хочешь расслабиться на этих выходных? В Пабе вечеринка в честь Хэллоуина будет.

И я совсем не ожидала подобного услышать от человека, который ни с кем не контактировал в группе. Дина всегда была сама по себе, и точно не ходила на какие-то мероприятия до восемнадцатилетия. Тогда за нас отвечала администрация, так что мы запросто могли веселиться, не боясь, что

нас кто-то тронет из парней.

- Это очень странно предлагать такое, когда вокруг происходит ужас. Может, в следующем месяце?

Я была бы только рада отвлечься, но не получится, когда вокруг меня будут одни стоны. В воспоминаниях появился момент, когда мы уходили из Паноптикума, и десятки девушек находились под парнями, когда их кровь проливали на белую простынь, чтобы после они получили шанс на спокойную жизнь и дальше в этом городе. А потом администрация вдруг совершает какую-то ошибку в негласных списках, продлевая ту ужасную ночь еще на тридцать суток.

- Со мной будет надёжный человек, так что нас не тронут.

Дина не смотрела на меня, когда предлагала это. Её пальцы продолжали вырисовывать чёрной пастой цветы на уголке бумаги. Передо мной появилась широкая мужская грудь с похожими узорами на ключицах, а чуть ниже, уже на рёбрах, чернота переходила в змей, оплетающих тело Гнева.

- Я... подумаю.

Мой голос дрожал от одних только воспоминаний. Трясущиеся пальцы я спрятала под стол, а после и вовсе началась лекция.

- Что это?

Я смотрела на блестящую белоснежную ткань в руках Офелии. На её голове был обруч, от которого шла прозрачная палочка, а к ней прикреплялся пушистый нимб в цвет ткани.

- Платье, примерь!

Ошарашенно глядя на сестру, я взяла наряд - и приложила к телу. Ткань доходила почти до ног, само платье должно было держаться на тонких серебристых цепочках. Оно чуть собиралось возле груди, слегка приоткрывая декольте, облегалo рёбра и талию, а после расширялось книзу.

- Оно такое красивое, зачем ты сделала это?

- Не злись на меня, - Офелия подняла руки в оборонительном жесте.

Но я даже не думала как-то злиться или обижаться на эту дурёху. У неё всегда был талант к рукоделию. Пока с финансами было лучше, я покупала ей мелочи, которые помогали развивать её навыки. А теперь Офелия делала это сама, зарабатывая немного в школе. Я знала, что она за деньги делает домашнее задание других людей, пишет рефераты, но мы обе скрывали это от матери, чтобы и эти деньги не пошли на алкоголь. Но я не смела трогать эти копейки, их было не так уж и много, а карманные расходы у Офелии были. Я была до слёз тронута, что она позаботилась об этом, потому что раньше я отдавала ей часть своих денег, что выделяла нам иногда мама.

- Ты выглядела очень расстроенной, и я хотела, чтобы ты пошла на вечеринку на этих выходных. И чтобы никто даже не посмел высмеять тебя, что ты без наряда, сделала его сама.

Смахнув скопившиеся в уголках глаз слезинки, подошла

к сестре и крепко её обняла.

- Спасибо, милая, я его примерю.

Офелия спрятала за спину ладошки, пальцы на которых были кое-где залеплены пластырем. Я бы не смогла теперь просто так сидеть дома на праздник. И пусть сестра не знает, какой ужас творится на улицах за стенами этого дома, моя совесть не позволит этому наряду пылиться в шкафу...

Глава 12

Оливия

В назначенное время к нашему дому подъехала знакомая мне огромная чёрная Toyota. За рулём оказалась Дина, а в салоне никого.

- Ты же сказала, что у нас будет надёжная компания.

Я нахмурилась, рассматривая джинсы и кофту одnogруппницы. Она совсем не переживала по поводу внешнего вида, и теперь в образе ангела я чувствовала себя очень-очень глупо.

- За нами будут приглядывать со стороны, не переживай.

Она говорила так безэмоционально, словно это была самая очевидная вещь на свете. Беспокойство только сильнее распалилось в моей груди, сердце ускорило свой ритм. А мои пальцы в противовес всему этому застегнули ремень безопасности.

Мы приехали в центральную часть города, где всюду уже были развешены флажки с черепками, привидениями. Дети ходили с тыквами на головах, в масках и костюмах. Надеюсь, в пабе будут и взрослые в образах, иначе я точно буду выделяться, а этого хотелось меньше всего.

Видимо, во мне проснулся маленький ребёнок, потому что я с восторгом рассматривала, как ведьмы и демоны расхаживают по площади, поют песни. Возле небольшого фонтана сидел Франкенштейн и играл на гитаре, пока возле него

танцевали и пели девушки в образах фей.

Дина оставила машину за сотню метров до паба, потому что всё было заставлено. Громкая музыка уже играла из помещения, возле которого столпились группы и громко смеялись, утопая в белоснежном дыму.

Мы обе зашли внутрь, и хорошо, что Дина была меня немного выше. Я пряталась за её спиной, стараясь не смотреть по сторонам, где всю обжимались парочки. Если бы у похоти был запах, он бы определённо состоял из смеси духов, пота и сигарет. Потому что так пахло здесь.

И если с десятков минут назад мне ещё казалось, что это было хорошей идеей, сюда приехать и развеяться, то сейчас это чувство проходило.

- Ты очень напряжённая, - констатировала очевидное моя знакомая, после чего протянула бокал с виски. - Тебе нужно расслабиться.

Я не пила такой крепкий алкоголь, но всё равно опрокинула в себя содержимое гранёного стакана, протянутого барменом. Жидкость обожгла горло - и я тут же закашлялась. В нос попал сладкий дым от чьей-то электронной сигареты - и глаза мгновенно заслезились.

- Ты как? - Дина похлопала меня по спине и, кажется, впервые за всё время нашего общения, рассмеялась.

Покачала головой, а потом взяла со стойки меню. Хотелось взять что-то не такое крепкое, а после и правда немножко расслабиться.

Мы с Диной подошли к одной из круглых стоек, сев на высокие стулья. Вдоль стен под потолком были развешены фонарики в виде тычков с тёплым свечением. И они были единственным источником света, так что сложно было различить лица некоторых дальше собственного носа, исключением были те, кто сидели на мягких креслах и диванчиках возле окошек. И возле одного из таких я заметила Алистера и Дамиана. На их коленях сидели девушки, ласкали им щёки и уши своими тонкими пальчиками, пока они смотрели на нас. Это было непривычно, потому что до этого они не замечали моего существования.

- Дина... А как выглядит этот твой надёжный человек?

Виски всё еще не ударил в голову, моё тело было настолько напряжено, что я ловила себя на каких-то задранных к ушам плечах. Знакомая выпила еще немного виски, а после слегка покачала головой, даже не осмотревшись.

- Он пока не пришёл.

- Но... Он же будет здесь?

Девушка подняла на меня свои тёмные глаза, в которых не было ни капли эмоций. Я не дождалась от неё ответа, слышался чей-то громкий смех. Обернувшись, заметила за соседним столиком Грегa и его двух друзей. Джон и Ренат посмотрели в мои глаза, пихнули друг друга, усмехнувшись, а потом привлекли внимание и того, кто должен был приехать за мной в Ночь Жатвы.

Грег был в белой рубашке и в синих джинсах, его воло-

сы были растрёпанными, потому что девушка рядом с ним сделала их такими. Они веселились, и это меня немного расстроило. Мы не виделись всё это время, а он даже не объяснил мне, какого чёрта не приехал за мной. И даже если Гнев ему угрожал, неужели... Он не мог просто извиниться хотя бы?

Я отвернулась, взяла свой стакан с Pornstar и поднесла к губам. Вкус коктейля был намного приятней виски, и я замурила на какое-то время глаза.

- Оливия, - голос Дины стал каким-то другим.

И пусть музыка для меня стала чуть громче, а краски ярче, потому что алкоголь начал действовать, чувство того, что что-то не так, не покидало.

- М?

Девушка отставила от себя стакан и покачала головой.

- Прости меня, - вдруг сказала она - и моё дыхание вдруг перехватило.

- За что?

Сердце отдавалось в висках и шее, в животе странно скрутился узел напряжения, а тело стало ватным.

- Это ловушка, - тихо сказала она, крутя в пальцах стакан. Край её фиолетовой толстовки немного пропитался каплями спиртного, но её это не волновало, казалось, мысли её были где-то далеко. - Всё это ловушка... Для тебя.

Она подняла на меня свои тёмные глаза, а в голове отчётливо прозвучало: «Беги!»

Я отставила бокал, обернулась - и поняла, что Грег и его друзья направляются ко мне. Грехи продолжали сидеть на прежнем месте, но, целуясь с девушками, они всё равно поглядывали в мою сторону.

Я бы могла подумать, что Грег и его друзья вдруг решили извиниться, но что-то очень сомневаюсь, что Чревоугодие и Похоть пришли в бар именно за таким зрелищем.

Дина обманула меня - это стало очевидно. Никому не составит труда взять меня прямо здесь, на барной стойке, потому что я видела, где сейчас была рука Дамиана, и никто, абсолютно никто в помещении этому не возмущался.

Рванув из бара, я оказалась на улице. Воздух вопреки своей прохладе обжёг лёгкие. Мы были в небольшом переулке: и я могла бы побежать направо к парковкам, где меня наверняка ждали возле машин, или выбрать левую сторону, побежать на свет, выбраться из переулка и направиться в неизвестную сторону. Это тоже был риск, но я пошла на него.

Сперва я расстроилась утром, когда поняла, что моя нога выросла из туфель, и пришлось под такое платье надевать чёрные кеды, но сейчас была этому безумно рада. Меня окружала кирпичная кладка зданий с разноцветными граффити по обе стороны, впереди виднелся выход, мне оставалось лишь миновать мусорку, но неприятный запах был меньшей из моих проблем.

Я боялась оборачиваться, потому что я слышала их громкий смех и крик «Оливия!»

Они кричали и свистели так, будто знали, что получают то, зачем пришли. Я разрыдалась прямо на бегу, паника душила меня, мне не хотелось очутиться в их руках. Сейчас бы за подобное я бы продала душу самому дьяволу. Это было так глупо: ещё полчаса назад я обижалась на Грегга, что он ко мне не подходил, а вот он следовал по пятам, а я убегала как зайчишка в страхе.

И теперь, в моменте, когда подумала о Дьяволе - он тут же появился: в чёрных брюках, полурасстёгнутой рубашке, будто ему было жарко, когда на улице было всего-то чуть выше нуля, а в его пальцах, покрытых узорами, была бутылка, из которой он сделал глоток.

Здесь тоже была засада. Хуже всего, что она была в виде Даррелла. Он стоял в самом просвете переулка, на границе между насилием и свободой, напоминая, что я не смогу пройти мимо него. Мне придётся остаться в этом чёртовом переулке и стать игрушкой Грегга, Джона и Рената, пока Даррелл будет на это смотреть.

Я остановилась и лихорадочно обернулась, запустив пальцы в растрёпанные из-за бега волосы. Грудь жгло от частого дыхания холодным воздухом, во рту появился привкус крови. Я задыхалась из-за подступающей паники и страха, который давно завладел моим телом.

- Нет! - обернулась к Дарреллу и... упала на колени. - Пожалуйста, нет...

Я заплакала, уронив лицо в ладони. Мне не становилось

легче, это было лишь одно сплошное бессилие. Я не прекратила плакать, даже когда услышала рядом с собой шаги. Моё тело напряглось в предвкушении того, что сейчас меня поднимут дружки Грега и воплотят в реальность все свои фантазии.

Рядом со мной на брусчатку упала бутылка - и разбилась на множество осколков. Я убрала руки от лица, глядя на то, как прозрачные стекляшки слегка покачиваются после падения, а потом посмотрела на Даррелла, что навис надо мной.

- Хочешь снисхождения? - он усмехнулся.

Я знала, что он издевался, самоутверждался, подкупал собственное чсв, но это не помешало мне кивнуть.

- Отсоси, потом проси, Оливия. Если я кончу до того, как они к нам приблизятся, так уж и быть, я ими займусь.

Времени было недостаточно, чтобы я добилась подобного результата, но без слов потянулась к ширинке его брюк и растянула их. Или он не носил нижнее бельё, или планировал подобное изначально, но я с лёгкостью достала его член - и он мигом затвердел в моих руках.

- Вот это я понимаю, поцелуй ангела, - рассмеялся Даррелл. - Только соси нормально, не как в Паноптикуме, иначе и через год не кончу. Мы же оба этого не хотим?

Его чёрные глаза сверкнули насмешкой, я лишь кивнула и обхватила губами его член. Я смотрела на широкую грудь и продолжала посасывать головку, периодически высовывая язык. Я совершенно не умела делать минет, мне и незачем

было этому тренироваться, а порно так давно не смотрела, что уже и забыла, как это происходит в нём.

Шаги приближались, а Даррелл не заканчивал. Хорошо, что мозг был одурманен виски, иначе бы меня настолько поглотила мысль, что Гнев после этого всё равно отдаст меня Грегу, Джону и Ренату, что я бы только могла задыхаться от собственных слёз, а не огромного члена.

Я чуть дёрнулась, когда руки Даррелла легли на мой затылок. Он стал заходить слишком глубоко, проникал в горло, не заботясь о том, смогу ли я дышать. Острый осколок впился в моё колено, проткнув ткань платья и кожу, судя по ощущениям, но я продолжала приносить Дарреллу удовольствие.

Он тихо застонал, запрокинул голову, а после мой рот наполнила его сперма. Вязкая и липкая, я закашлялась, но взгляд Гнева не предвещал мне что-то хорошее, если посмею хоть немного выплюнуть.

- Съебались отсюда.

Голос Даррелла стал ледяным. Я зажмурилась, стоя всё так же на коленях перед ним, и не шевелилась, хоть и знала, что говорит он всё это не мне.

- Даррелл, что за хуйня? Ты же обещал нам её...

- Я сказал: съебались.

Послышался щелчок. Открыв глаза, заметила над собой пистолет, который держал Гнев на вытянутой руке, направив дуло на парней позади. Вот же черт... В нашем городе ору-

жие могли носить только органы правопорядка. Помощники администрации тоже к ним относились?

Я услышала, как парни позади стали отдаляться, но облегчения мне это не принесло. Сомневаюсь, что вообще можно почувствовать нечто подобное, когда над тобой возвышается Гнев, держа в руках оружие.

Даррелл посмотрел прямо ещё какое-то время, затем, развернувшись, тоже ушёл из переулочка, оставив меня одну.